

40-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

СМЕТЬСА

№ 9 (1391) май 1985

ISSN 0130-0130

ВОЙНА. ПОБЕДА. К

Вместе со всей страной тот июньский день сорок первого встретило наше комсомольское племя. Уничтожить врага, отстоять свою землю — так вместе со всей страной решил комсомол. На второй день войны ЦК ВЛКСМ принял постановление, в котором призывал, чтобы «каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против нападающего, зазнавшегося врага, за Родину, за честь, за свободу». Комсомол решил? Нет, ему и не приходилось решать. Если сказать «решение», значит, был вопрос. Вопросы не было и не могло быть. Потому что задолго до этого был год 1917-й, когда трудящаяся молодежь стала верным помощником революционеров-большевиков. Потому что до этого под руководством партии в трудные и героические годы пятилеток комсомол строил социализм. За нами дымили трубы заводов,

вознесенные энтузиазмом молодости. За нами шумели колхозные нивы, покоренные стальной конницей. За нами и в нас самих жила наша смелая, дерзновенная, несгибаемая Родина. «...С Красной площади уходили на смертный бой наши отцы. Здесь к подножию Мавзолея были брошены знамена поверженного фашизма. Святостью братских могил, сединами матерей наших, радостью победы клянемся быть достойными бессмертия отцов и по первой тревоге, под овеванными славой знаменами пойти в бой и победить! КЛЯНЕМСЯ!» (Из клятвы молодежи, принятой на Красной площади в канун 25-летия разгрома врага под Москвой). ...Уходили в сорок первом на смертный бой наши отцы. Были они нашими ровесниками. Были коммунистами.

Были комсомольцами. Наши отцы — наши ровесники. 1945-й. Навеки горит он в наших сердцах как символ Великой Победы. Когда и где ни прозвучали бы эти слова, горячо забьется сердце у ветерана Великой Отечественной, увлажнятся глаза матерей, чьи сыновья и мужья не вернулись с фронта, но страну отстояли. И печально и гордо зашелестят цветы у памятников. И печалью и гордостью засветятся глаза юных, никогда не видевших, как гибнут на полях сражений их сверстники, но твердо знающих: и они, нынешние комсомольцы, поступили бы так же, как юные герои войны. Но чтобы понять, что свершилось тогда, как прошли мы через опаленные года и завоевали право гордо называть дату — 1945-й, вновь вспомним 1917-й! Вернувшись к истокам истории нашего государства — первого в истории человечества государства рабочих и крестьян, мы увидим комсомольца, который, выполняя заветы В. И. Ленина, учится и строит, мужает и побеждает. И всегда готов к подвигу во имя Родины. «Нам лечь, где лечь, и там не встать, где лечь... И, задохнувшись «Интернационалом», упасть лицом на высохшие травы...» «Славу солдат революции, мечтающих над строфою, распиливающих деревья, падающих на пулемет!» (Предвоенные стихи поэтов-комсомольцев, отдавших во время войны жизнь за Родину). Огромное число коммунистов и комсомольцев — «мобилизованных и призванных революцией» — первыми встретили врага. Они шли на фронт по зову партии и комсомола, по зову своих сердец. И там, на переднем крае, на полях сражений Великой Отечественной, миллионы воинов вступали в ряды коммунистов и комсомольцев. Сотни тысяч, подав заявления, шли в огонь и погибали считая себя коммунистами и комсомольцами. Почти каждый второй боец Красной Армии носил у сердца книжицу с изображением великого Ленина. Молодые солдаты и взводные, комроты и комбаты, политруки, молодые комполка, комдивы и даже командармы — это они, молодежь, составляли значительную часть Красной Армии. Молодые, зачастую совсем юные, стали одной из опор трудового

тыла. Фронта, далекого от фронтовой полосы. Но не было бы без него Победы. Партия, народ, борьба и труд воспитали поколение, которое не могло представить себе иной жизни, чем наша, советская жизнь. И ему невозможно было ни дышать, ни жить под фашистским игом. И на оккупированной врагом территории комсомол поднялся на подпольную и партизанскую борьбу с завоевателями. Комсомол решил? Если сказать «решение», значит, был выбор. Нет, ему не приходилось решать. Вопрос о выборе не стоял. Решать надо было только, как сильнее и яростнее паразит наглого, обезумевшего фашистского зверя. Сильнее и яростнее. И героически сражавшаяся страна узнавала новые и новые имена своих молодых героев — Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, Александр Матросов и Олег Кошевой, Маритэ Мельникайте и Александр Чекалин... Тысячи и тысячи имен, объединенных одним высоким именем — Ленинский комсомол. Мы до сих пор, вот уже сорок лет — сорок лет, прошедших со дня Великой Победы, — открываем для себя неизвестные прежде страницы, на которых кровью написаны строки мужественной борьбы комсомольцев в годы Великой Отечественной. Строки, из которых складывается история комсомольской чести и славы. «Наши сердца не будут знать покоя, пока хоть один фашист топчет нашу землю; наши руки не будут знать отдыха, пока интересы Родины требуют от нас неустанного труда». (Из письма членов комсомольско-молодежной бригады, работавшей на одном из военных заводов и ежедневно выполнявшей до десяти норм). Молодежь воевала! Молодежь внесла огромный вклад в подвиг трудового тыла! Три с половиной тысячи молодых рабочих Магнитки в рекордно короткий срок сдали домну, над строительством которой шефствовал комсомол. Пять тысяч комсомольцев и молодых рабочих Свердловской области в метели и морозы поднимали на пустырях корпуса оборонных заводов. Так было в центре России, на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии. А как тяжело доставался в военные времена хлеб! Комсомол деревни знал, что поля и фермы — тоже фронт. В первую военную весну соревновались сто пятьдесят тысяч трактористов, три с половиной

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1391) МАЙ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Мой папа».

Картина
художника
Л. ЛАБЕНКА

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

Издательство «Правда». «Смена», 1985 г.

ОМСОМОЛ ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНЫ»

тысячи женских тракторных бригад. Пионеры, помогавшие колхозникам, комсомольцы, растившие гектары хлеба в фонд обороны, и матери солдат, и жены солдат, работавшие за тех, кто ушел на фронт, — все считали себя бойцами, бойцами фронта, имя которому — тыл. Все советские люди считали себя бойцами, пока идет священная война за свободу Родины. Что помогало выстоять, вынести все невыносимые испытания — в огне боев и у огня мартовен? Великая нравственная чистота народа, осуществившего революцию, строящего самое справедливое общество на земле. И прекрасное воплощение этой народной нравственной чистоты и силы — советская молодежь. Героизм, верность, несгибаемость, мужество, стойкость — категории нравственного кодекса, взятого за основу жизненной, гражданской позиции каждым членом Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Героизм, верность, несгибаемость, мужество, стойкость — эти слова вы найдете в материалах «Смены», комсомольского журнала рабочей молодежи. Журнала, который в годы войны был журналом военным. Комсомол в солдатской шинели, комсомол в рабочей спецовке — всегда героический, несгибаемый, мужественный, стойкий, верный идеалам партии и коммунизма.

За выдающиеся заслуги перед Родиной и большую работу по воспитанию советской молодежи в духе беззаветной преданности Отечеству Ленинский комсомол был награжден орденом Ленина. Орденов Красного Знамени удостоены комсомол Украины и Белоруссии, комсомольские организации Ленинграда, Москвы, Севастополя, Сталинграда, Одессы, Краснодона, Шепетовки, Киева, комсомольская организация Советской Армии и Военно-Морского Флота; Отечественной войны I степени — Керченская городская, Люблинская и Первомайская районные организации, газеты «Комсомольская правда» и «Молодь Украины».

Сегодня комсомол — на страже Родины, на страже мира. И новые молодые поколения нашей страны сегодня — в день 40-летия Великой Победы — готовы встать на защиту Отечества.

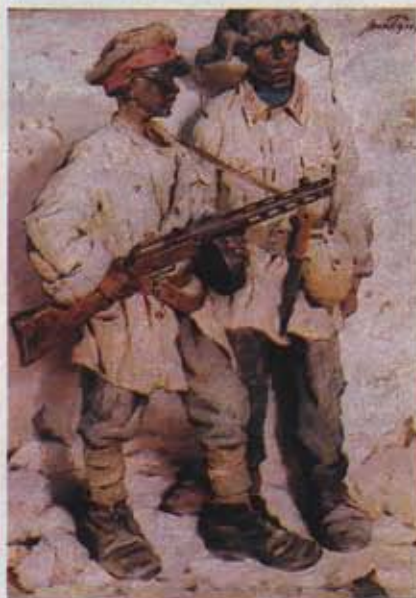
На заводах и стройках, на мирных полях во имя павших, во имя живых, во имя весны человечества несет свою бессменную вахту **Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.**

На фронтах Великой Отечественной сражались с ненавистным врагом 11 миллионов комсомольцев. 5 миллионам молодых воинов прямо на фронте были вручены комсомольские билеты.

На Украине и в Белоруссии действовали 22 подпольных обкома, 470 райкомов и горкомов, 3600 комсомольских организаций; в пяти областях РСФСР (Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской и Курской) работали 105 горкомов и райкомов.

36 тысяч пионеров были награждены орденами и медалями. Героями Советского Союза стали Леня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова.

Глава первая ПОБЕДИТЕЛИ

Глава вторая ТОВАРИЩ РАЙКОМ

2,5 миллиона комсомольцев в годы войны вступили в ряды ленинской партии.

Свыше 80 комсогов воинских частей и подразделений были удостоены звания Героя Советского Союза.

Глава третья НЕПОКОРЕННЫЕ

Глава четвертая РЯДОВЫЕ ТЫЛА

По инициативе комсомольцев было начато движение «двухсотников», «трехсотников», «тысячников»... Образцы героического труда показали фронтовые комсомольско-молодежные бригады. К концу войны их было более 155 тысяч, объединявших свыше миллиона юношей и девушек.

Глава пятая ДЕТИ ВОЙНЫ

Глава шестая НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Маршрутами боевой и трудовой славы старших поколений ежегодно идут около 60 миллионов советских юношей и девушек.

Глава седьмая СОЛДАТСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Они были молоды
и счастливы.
Но пришла пора,
и они шагнули
в огонь войны,
чтобы жила страна.
Наш сегодняшний
мирный день
отстояли те,
чья молодость совпала
с горькими
и героическими
годами войны,
кто пожертвовал всем —
молодостью,
счастьем
и самой жизнью
ради Победы.

**«Берегите
землю нашу»**

День этот, 7 июля 1943 года, помнить я буду до тех пор, пока живу. Мы — молодые бойцы — приняли тогда боевое крещение, и не где-нибудь, а на Орловско-Курской дуге. Вот как это было. Чуть впереди наших позиций в траншее находилось трое бронейщиков. Уральцы Коробейников и Титов и карел Александров. До этого я знал хорошо Александра Коробейникова, комсомольца, умелого солдата, доброго товарища, скромного человека. Когда из дыма и пыли вынырнули «тигры» и устремились на них, Александр точным выстрелом поразил гусеницу одной машины. «Тигр» завертелся на месте и, развернув башню, стал стрелять из орудия почти в упор по траншее, где находились бронейщики. Третьим снарядом убило Александрова, тяжело ранило Коробейникова и Титова. Но бойцы продолжали сражаться. Коробейников бил из автомата по вражеской пехоте. Пуля попала ему в руку. Он взял автомат в левую.

В последние мгновения жизни комсомолец собрал силы, крикнул, обращаясь к нам: «Бейте гадов! Берегите землю нашу!» Крик Коробейникова поднял солдат из окопов, бросил нас в атаку. Военные дороги наши пролегли до логова фашистов — Берлина, я был четырежды ранен, дважды контужен, потерял много боевых товарищей. Храню в сердце своем память о всех о них. Но первым в ряду личной моей памяти стоит отважный комсомолец Коробейников.

Николай РЖАНИКОВ,
бывший комсорг роты,
инвалид Великой Отечественной войны

**Снайперская
пристрелка**

Хочу рассказать о том, как зарождалось снайперское движение. Прежде всего отбирали в снайперы лучших солдат, показавших отличные результаты в стрельбе, прошедших соответствующую подготовку. Все они были членами партии или комсомольцами, все рвались в бой. Прибыли под Юхнов, в штаб 49-й армии. Пока решали, куда нас определить, смотрю, ребята мои приуныли. Подошел, спрашиваю: «Что головы повесили?» «Так ведь время идет, товарищ капитан, стажировка началась, а мы тут охлаждаемся». Решено было послать нас в батальоны первого эшелона. Простился я с бойцами, пообещав, что вскоре проведу каждого. Спустя несколько часов мне доложили из подразделений, что все снайперы приступили к охоте. ...Ночь на передовой прорезали пулеметные очереди, вспыхивали над «нейтральной» ракетой. На правом фланге обороны я разыскал первую снайперскую пару — ефрейтора Петра Кузина и красноармейца Михаила Мухина. Они провели нас к своей позиции. — Одно обидно, гады носа не кажут, — сердито проворчал Кузин. Вскоре встретил командира снайперской команды из Куйбышева старшего лейтенанта М. С. Ольховика. Он радостно доложил:

— Боевой счет открыт — истреблены шесть гитлеровцев!
...Как-то узнали от разведчиков, что гитлеровцы готовят вылазку. Командир полка приказал предупредить врага и приготовить западню. Спросил меня: смогут ли принять участие в этом деле снайперы?

— С радостью, — поспешно ответил я.
Едва стемнело, наши бойцы покинули свою траншею и, плотно прижимаясь к земле, поползли к «нейтралке». Пятеро из них были снайперами-чекистами: старший сержант И. Н. Кустов, ефрейторы Н. С. Цапенко и В. М. Цыганок, красноармейцы Б. М. Герасимов и В. И. Пермьяков.

План был таким. Одна группа останется в кустарнике, а четверо бойцов выдвинутся вперед, поближе к немецким заграждениям. Первым заметил врага Кустов. Фашисты появились из-под проволоки и, низко согнувшись, двинулись к нашим траншеям. Их было более тридцати.

В тот же миг ударили автоматные очереди, грохнули взрывы ручных гранат. Немцы, не ожидавшие засады, потеряв десяток человек убитыми, побежали назад, к проходу в проволочных заграждениях.

— Огоны! — скомандовал Кустов.
Еще четыре автомата начали бить в упор по бегущим. Обезумев от страха, гитлеровцы бежали прямо под очереди. Герасимов бросил навстречу врагу две гранаты. Следом за ним — Цапенко. Враги заметались по полю. Но их всюду настигал меткий снайперский огонь.

Имелась и у нас потеря. От прямого попадания артиллерийского снаряда в землянку были убиты три товарища и среди них — старший лейтенант М. С. Ольховик. Их похоронили с воинскими почестями в Юхновском лесу. Мы поклялись отомстить врагу. И клятву свою сдержали.

Василий САБУРОВ, полковник в отставке

СТРАНЫ ЗАСЛОНИЛИ СОБОЙ

ПИСЬМА ФРОНТОВИКОВ

**Он
остался
бойцом**

Жизнь свела меня однажды с удивительным человеком, Героем Советского Союза генерал-лейтенантом авиации Василием Михайловичем Шевчуком. Начало войны Василий Шевчук встретил далеко от фронта. Был он тогда лейтенантом, армейским комсомольским работником. Конечно, всячески стремился на фронт, но пришлось ему целых полгода готовить в тылу летную смену. В конце концов получил назначение комиссаром эскадрильи в действующую армию. Попал в авиационный истребительный полк, которым командовал Герой Советского Союза Федосеев, сражавшийся под Керчью. В первых же воздушных схватках Шевчук показал себя мужественным дерзким бойцом. К первому мая 1942 года на его личном счету были уже несколько поверженных самолетов врага. Беда случилась в день Первомая.

В неравном бою с шестью истребителями врага Шевчук был сбит. Выпрыгнув из горячей машины с парашютом, он, уже раненный, упал на бруствер окопа и получил серьезнейшую травму позвоночника. Врачи дали понять, что с авиацией он должен расстаться навсегда, чем бы ни закончилось лечение. Потянулись долгие госпитальные месяцы. Но Шевчук не сдавался, он во что бы то ни стало хотел вернуться в строй бойцов. Упорно тренировался, увеличивал с каждым днем нагрузки на позвоночник. Ему было больно, но он терпел.

В Тбилиси, где располагался госпиталь, Шевчуку удалось найти старого грузинского мастера-сапожника, упрямца того шить из толстой кожи специальную кольчугу для фиксации позвоночника. Постепенно начал ходить. Правдами и неправдами Шевчуку удалось вернуться в полк. Скрывая травму, он добился разрешения летать. И летал, преодолевая боль, до мая 1945 года. Последний, пятнадцатый самолет врага он сбил в небе Берлина.

Он закончил войну командиром авиаполка и остался в армии. Высокий, прямой, непокорный, он до сих пор продолжает работать, до сих пор неутомим, как и в молодости. И до сих пор боль в спине будит его по ночам и мучает бессонницей. Но надо видеть, с какой вдумчивой серьезностью разговаривает генерал-лейтенант с молодежью. Без иррациональных, как равный с равными. Удивительная, прекрасная судьба, живой пример верности своему долгу, своей Родине.

Танна ФИЛИПОВА,
лейтенант в отставке,
ветеран Великой Отечественной войны

**Мужество
комсорга**

17 июля 1944 года, развивая наступление, 391-я стрелковая дивизия перешла границы Советской Латвии и двинулась вперед. В полдень четвертой роте 1024-го полка был дан приказ форсировать реку Зилупе и выбрать противника с занимаемых рубежей. Наступление сдерживали станковые пулеметы противника. Уничтожить их вызвался девятнадцатилетний комсорг роты, коммунист сержант Петр Гаврилов. Взяв побольше гранат, он с тыла незаметно подобрался к врагу. Двамя гранатами Петр решил судьбу пулеметного расчета. Такая же участь постигла и другие огневые точки. Гитлеровцы бежали.

Первый десяток километров был пройден полком сравнительно быстро. Но на следующий день противник закрепился в деревне Ляудери и организовал оборону. Наши роты замерли. Кому-то надо было встать первым и повести за собой в атаку других. И вновь комсорг Гаврилов показал пример мужества. С криком «За мной, вперед!» он увлек за собой бойцов. Мастерски разил Петр врага штыком и прикладом. Он лично уничтожил в этом бою десять фашистов.

За подвиги, совершенные при форсировании реки Зилупе, и освобождение деревни Ляудери сержант Петр Иванович Гаврилов, кавалер ордена Славы третьей степени, был представлен командованием полка к званию Героя Советского Союза.

Война продолжалась. Вскоре, находясь в разведке, отделение Гаврилова попало в плотное кольцо окружения. Один за другим выбывали из строя боевые друзья... Петра опрокинул на землю сильный удар в голову. Потемнело в глазах, чем-то горячим и липким залило лицо. Силы покидали сержанта, он понимал, что случилось что-то страшное, непоправимое. Ценой нечеловеческих усилий достал из кармана гимнастерки маленькое зеркальце. Взглянув в него, не узнал себя. Разрывная пуля изуродовала лицо.

...После госпиталя он боялся возвращаться домой, страшилась мысль: не узнают, отвернутся. Новые операции. Но ни одна из них не вернула ему прежнего лица. В конце концов он преодолел себя, понял, что обязан жить, что не имеет права прятаться от людей, которых защищал, сражаясь с врагом. Вернулся домой, начал работать. Он стал инспектором Рижской таможи, грозой контрабандистов, заслужил более тридцати благодарностей руководства, был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета республики.

Шалва ХМЕЛИДЗЕ,
ветеран Великой Отечественной войны

Военная
повесть «Смены»
**ВОЙНА. ПОБЕДА.
КОМСОМОЛ.**
Глава
первая

ПОБЕДИТЕЛИ

О. ПОНОМАРЕНКО.
ПОБЕДА.

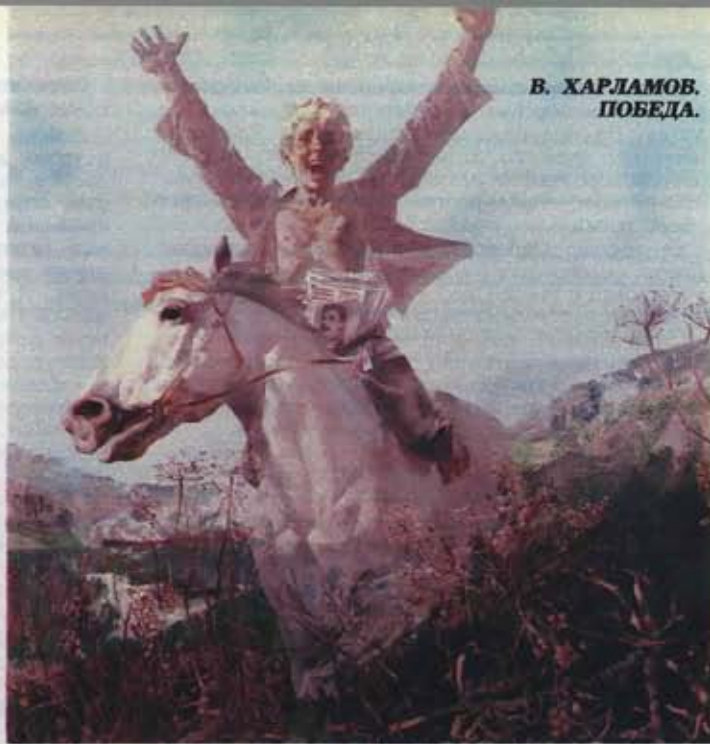

«Наше дело правое — мы победим!»

И победили.

Поднимались в рукопашную, шли на таран, когда кончался боезапас, закрывали грудью амбразуры, с гранатой бросались под танки, вызывали огонь на себя, шли на смерть ради жизни...

Потрясенный мир склонял голову перед подвигом советского солдата, сражавшегося с фашистской чумой, грозившей всему человечеству. Мир смотрел на него с надеждой, видел в нем освободителя. И солдат Страны Советов исполнил свой высокий долг. Его героизм беспримечен. Это был героизм патриотов, беззаветно преданных своей Родине, свято верящих в свою правоту и потому непобедимых.

**В. ХАРЛАМОВ.
ПОБЕДА.**

ский костер Победы. Сколько их потребовалось, чтобы превратить его в священное зарево салюта сорок пятого года!..

Он не сомневался, что мы победим, но рассчитывать при этом еще и на то, чтобы остаться в живых, — это было необязательным условием. Быть готовым к смерти, зная, что после тебя, благодаря тебе останутся жить другие, — с этой мыслью было легче воевать. И умирать.

Многие годы спустя всякий раз, когда на экране телевизора он будет видеть старые кадры кинохроники — в геометрически идеальных колоннах маршируют вышколенные, плотные, как акулы зубы, ряды гитлеровцев, в которых взамен сломанных тотчас же вырастают такие же — страшные и, кажется, несокру-

К. АНТОНОВ. ПОБЕДИТЕЛИ.

Четыре ордена солдатской Славы на груди артиллериста старшего сержанта Василия Налдина. 18 лет было ему, когда началась война. В 22 он встретил весну Победы.

**Юрий
РАГОЗИН**

Никто не хотел погибать. Но главное было не это. Главное было победить. Пусть даже ценой собственной жизни. Ценой молодости и нерастроченных сил. Непознанной любви и несбывшихся надежд. Ценой самого дорогого. Это была великая, ни с чем не сравнимая, ничем не заменимая плата за освобождение Родины. И это была ничтожно малая, крошечная вязанка дров, необходимая, чтобы развести гигант-

шимые, — всякий раз он будет думать об одном и том же: какую же тогда мы сумели собрать в себе силу, какой же неслыханной крепости сжали кулак, что вышибли эти проклятые зубы из железной пасти фашизма, поглотившего половину Европы. И будет гордиться тем, что и сам был частицей этой силы, маленьким кровеносным сосудиком, по которому тоже текла горячая кровь к сердцу Победы.

С первых дней войны он рвался на фронт. Его долго не отпускали. Родом из мордовского села, в начале сорок первого года он приехал к брату в Загорск и устроился в ФЗУ. Тут уж скоро и июнь подошел, двадцать второе... Брат отвез свою семью на родину, в деревню, и сразу ушел добровольцем. Два других брата последовали за ним, а он, младший, остался...

В военкомате не поверили, что ему восемнадцать. Действительно, великаном он не был.

Ему сказали, чтоб не кипятился, не кричал, доказывая, что документы у него в порядке и свидетельствование о рождении неисправленное; сказали, что придет и его черед; чтоб сначала окончил свое ФЗУ, а там уже видно будет.

Благо, что учебные программы сократили, и он вскоре снова явился в военкомат. «Будешь служить здесь», — сказали ему, — получи винтовку и ступай на завод. Будешь работать в столовой и дежурить по охране завода». «Винтовка — это хорошо», — подумал он, — но это еще только поддела. Братья там себе воюют, кровь проливают, а он тут, видите ли, должен прохлаждаться».

«Прохлаждаться» приходилось с четырех утра и до двенадцати ночи, но по сравнению с фронтом, считал он, это непростоительно райская жизнь. Он работал поваром, кормил людей. Завод не останавливался практически круглосуточно, и еду готовить надо было тоже круглосуточно. Разграничение на завтраки и обеды не существовало; для одних обед был ранним завтраком, для других — поздним ужином. Вдобавок приходилось патрулировать по заводу, часами рыть землю — готовить огневые позиции, рубить лес.

Любому терпению приходит конец. Ну, хватит, однажды решил он, убогу. Договорился с товарищем бежать вместе. Это кому из Сибири до фронта добираться далеко, а тут — рукой подать.

«Опять ты!» — Его, изрядно надоевшего своим упрямством, в военно-учетном столе завода встретили без удовольствия. «Пришел сказать: если не отпустишь — сбегу», — заявил он. «Спасибо, хоть предупредил, — грустно улыбнулся начальник отдела, вздохнул, что-то написал на листке бумаги, заклеил в конверт. — Держи. Видно, ничего с тобой не поделаешь... Можешь собираться. Но сначала зайди в военкомат».

На следующий день, когда его провожали, женщины плакали. «Убьют тебя», — приговаривали сквозь слезы. «Что-то не очень веселые проводы получаются», — подумал он, — этак и себя разжалобить недолго». «Кончай рыдать!» — крикнул. — Я живой еще!» Ахнул шапку о снег: «Или грудь в крестах, или голова в кустах!» Люди заулыбались. Ну, вот, улыбнулся и сам, теперь другое дело, можно ехать.

Поезд шел от Москвы к Волоколамску, вез пополнение из добровольцев в 33-й запасной артиллерийский полк. Война ступила уже во второй год, стоял декабрь. Он сидел у окошка, поглядывая на мелькавшие дома и деревья. «Может, последний раз вижу», — мысленно он прощался с Москвой. А Москва смотрела на него с болью и надеждой. Ей было очень трудно, но она верила в него, своего сына и защитника.

В Волоколамске, куда он прибыл, было слышно, как где-то вдалеке грохотали орудия. Война была рядом.

И стал он «богом войны» — артиллеристом, наводчиком. Изучил противотанковую пушку ЗИС-3. Да не просто изучил, а полюбил, как живое существо. Замечательная была пушечка, удобная, легкая, полуавтоматическая. Если ровная дорога — ее и вдвоем можно катить. Скорость стрельбы — двадцать пять выстрелов в минуту.

Было ли ему страшно? Было. Очень страшно. Человек не может не бояться — таким его сделала природа. Храбрый не тот, кто безрассудно лез под пули, а тот, кто в самой жуткой, безнадежной ситуации не теряет способность принимать решение.

На одной из встреч ветеранов войны какой-то генерал сказал: «Героям было не страшно». Тут же посыпались реплики: «Страшно, как и всем!» «Ведь это был ад. Трясешься и стреляешь!».

Он не стесняется такой откровенности. Да, кавалер четырех орденов Славы, орденов Отечественной войны первой и второй степеней, боевых медалей, он не стыдится сказать, что боялся. Не столько даже самой смерти, как, например, остаться в бою одному (а случалось и такое), когда нет возможности самому сориентироваться в обстановке, не с кем посоветоваться, не на кого положиться. Боялся того, что может не успеть поразить огневую точку или вражеский танк и те первыми срывают наши рубежи. Боялся и за свою пушку: как бы не задел ее немецкий снаряд, — потому что она была продолжением его самого, силой его и опорой. Как он вместе с товарищами из своего расчета о ней заботился, как берег!.. Как маскировали ее тщательно, сколько земли, и рыльце, и мерзлой, побросали, окапывая ее!.. И не подводила она, была без промаха, принимала на свою железную грудь осколки и пули, предохраняя бойцов.

Достанется фашистам от этой пушечки, с которой он пройдет всю войну — с одной и той же — до самого Берлина да еще и по рейхстагу из нее шмальнет.

Перед первым своим боем он написал заявление в комсомол. «Прошу принять меня в ряды ВЛКСМ. Обязуюсь защищать свою Родину, не щадя жизни, бить врагов, быть помощником коммунистам». Прямо

в овраге, рядом с огневыми позициями, было проведено бюро полка. Как и полагается, спрашивали по Уставу. На следующий день выдали билет. Еще через несколько дней его, отличившегося в бою, избрали членом бюро комсомола полка. В мае сорок четвертого он станет членом партии, позднее — членом партбюро полка.

Он прошел Орловско-Курскую дугу, форсировал Днепр, освобождал Украину, Белоруссию, Польшу, участвовал в Висло-Одерской операции. В его полку из тех, кто от Москвы дойдет до Берлина, останется десять человек, все остальные — из пополнения... Меня поначалу удивляло, почему он плохо помнит детали боев, хотя называет все города и местечки, где воевал, имена и фамилии своих товарищей. Он пояснил: в бою видишь только врага и думаешь, как бы быстрее уничтожить его; ни времени, ни мелких подробностей не замечаешь. Только грохот, дым. Снаряд!.. Огонь!.. Осколочными!.. Прицел!.. Огонь!.. Броневойными!.. Не замечали, что численное превосходство чаще было на стороне врага — это уж потом, после боя было видно хорошо...

Двадцать восьмого июня сорок четвертого года в Белоруссии наш взвод вошел в тыл к немцам в районе деревни Сычевки. Ночью они нас обстреляли. Мы ответили огнем. Сожгли их машины, подбили танки. Полезли автоматчики. Мы их бьем, а они все лезут и лезут. Весь день. Атак пятнадцать отразили; от села уж ничего не осталось: сгорело. Начали они нас окружать. А мы по ним осколочными из пушки. Не подпускаем, как они ни силятся. Наконец, смотрю: что такое?.. Они руки вверх поднимают, кричат: «Гитлер капут!» Ага, выдохлись!.. Я подошел к офицеру, который был во главе группы сдававшихся, снял с него автомат, забрал пистолет и повел его и остальных к дороге. Своим сказал: «Если меня убьют — бейте по ним прямой наводкой». Смотрю, они складывают оружие. Но их-то человек сто, а нас осталось пятеро. Что делать? Поставили мы их на дороге, навели на них пушку на всякий случай... А тут еще группа сдаваться идет: «Яволь, Гитлер капут!» Опять я разоружил офицера... Вскоре подошли пехотинцы, мы им передали пленных. А потом пошли посмотреть поле боя. Кругом валялись убитые гитлеровцы. И тут мы поняли секрет их храбрости: от них за версту несло водкой. Их хорошенько напоили и бросили на прорыв. Однако водка не помогла...

Были моменты, когда надеяться уже было не на что.

Война катилась к концу. В двадцатых числах июля сорок четвертого мы подошли к Бресту. Врываемся к немцам в тыл, освобождаем Барановичи, Слоним — и на Брест. Нашу батарею оставили задержать отступающих немцев — они должны были пройти через деревню Видомля, а полк наш двинулся на Брест. Нам в ближайшее время обещали помощь. Но не получилось: подкрепление задержали немцы. На третий день боев из девяносто человек нас осталось семнадцать... И тут пошли танки, за ними автоматчики СС! Мой расчет подбил танк, сжег две машины и две повозки. Нас стали окружать автоматчики. Мы отбиваемся из последних сил, в ход уже идут гранаты, а помощи обещанной нет, все сроки прошли. Остаются считанные бойцы... Раненого младшего лейтенанта Федора Хохрякова отрезали от нас и окружили эсэсовцы. Он отстреливался, подбирая автоматы у погибших бойцов... Кончился последний диск. Фашисты подошли к нему метров на десять; последнюю пулю он оставил себе... Ему было восемнадцать лет, это был его второй бой. Незадолго до этого он подал заявление в партию. Его приняли посмертно. Посмертно присвоили звание Героя Советского Союза... Меня за тот бой наградили орденом Славы второй степени. Несколько человек, мы чудом остались живы... Недавно я смотрел телефильм «Батальоны просят огня» по роману Юрия Бондарева. Все в нем очень точно и правдиво. Вот в такой же ситуации побывали и мы — вернулись с того света; никто уж и не думал, что кто-то из нас останется в живых...

Смерть подкрадывалась к нему с разных сторон, но всегда в последний момент пасовала: он был ей не по зубам. Он устал привыкать к новым товарищам, привык хоронить друзей. Когда осколки и пули, как горох, стучали по щиту орудия, он не обращал на это внимания. Наверное, он все-таки был счастливым — пройти войну, побывать в аду и отделаться лишь небольшим ранением, разве такое возможно?..

Стоим с Леной Блиновым в ровике плечом к плечу. Он голову мне на плечо положил. «Ты чего?» — спрашиваю. Смотрю, а уж кровь его по моей груди течет... Выскакиваем из-за сарая с лейтенантом Ковалевым, бежим к пушке, тут выстрел... Меня волной бросает на землю. Прихожу в сознание, открываю глаза, кричу: «Лейтенант Ковалев!» А его как не бывало...

Зацепило легонько его только один раз в самом конце войны.

Войска подходили к Берлину. Танкисты, три батареи артиллеристов, в том числе и наша, прорвались в город с одной из сторон. Не прекращая огня, прошли Третье-парк, добрались до каменной стены. Тут были мощные укрепления — противотанковые ежи, мешки с песком, колючая проволока. Мы открыли огонь по укреплениям. И тут подбили наш танк. Мы разобрали мешки с песком, и вдруг из подвалов выбежали наши девушки, из тех, кого угоняли в Германию. Плачут, обнимают нас: «Милые, родненькие, как мы ждали вас!» Мы тоже не выдержали, заплакали. Наверное, каменный человек был бы — тоже бы заплакал... Они предупредили нас: будьте осторожны, город очень укреплен, в домах и подвалах немцы. К вечеру двадцать первого апреля мы подошли к рейхстагу — к противотанковому рву. А ночью нас окружили, обстреляли из окон. Выскакиваем с комбатом в одну дверь, его косит пулей; падая, он кричит: «Беги к пушке!» Я исполнял обязанности комзавода; бегу, команду: «По огненным точкам — по окнам — огонь!»

Немцы подожгли нашу машину, подбили танк. Осталась у нас машина, укрытая в арке дома. Мы погрузили туда раненых. Водителю — лхой парень — удалось прорваться к нам. А мы остались вдвоем с наводчиком. Продолжали отстреливаться — били по окнам. Только я отошел от щитка посмотреть, откуда стреляют, как вдруг меня ослепило, ничего не вижу. Опустился на колени, боюсь руки от глаз оторвать, и ползком. Мой наводчик говорит: «У тебя в щеке осколок, дай-ка я его выну. Открывай глаза, не бойся!»

Ложись, — говорит, — на пол, потолок видишь? Я чуть приоткрыл глаза: вижу!.. «Тогда, — говорит, — живо беги к пушке, немцы ждут!» Я вскочил, побежал...

И даже когда уже сидел на ступеньке рейхстага, опираясь на свой автомат, он не мог поверить, что остался жив, а значит, теперь будет жить. Пять минут назад он влез на спину товарища, чтобы угольком расписаться на стене рейхстага (внизу уже не было места), только что он вместе со всеми выпалил в небо залпы салюта в честь Победы — двадцать два по числу прожитых лет и три — в память о погибших. И вот он сидел и плакал. Рядом сидел его командир полка, человек бесстрашный и твердый, четырежды раненый, приехавший сюда из госпиталя (за пятьдесят километров до Берлина его тяжело ранило). И тоже не сдерживал слез...

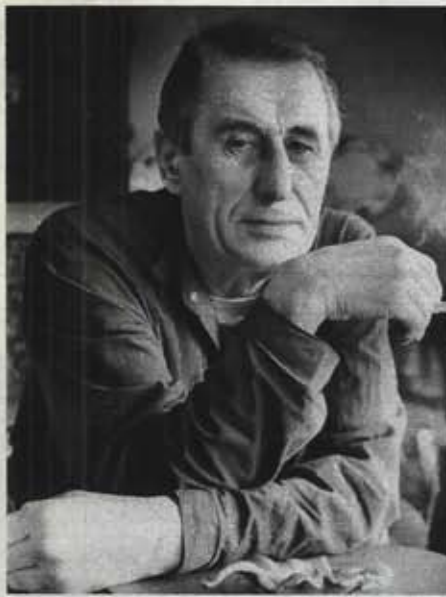
Через полгода он доберется наконец до родного села. Будет бегом бежать от станции, и дождь со снегом будет хлестать его по лицу, сбивая дыхание. Попутчик-возница предложит подъехать. Но ему покажется, что лошадь идет слишком медленно, он спрыгнет и, расхлестывая промокшими, тяжелыми сапогами слякотный снег, побежит впереди лошади, обливаясь потом. А когда добежит до села, вдруг запнется, остановится и почувствует внезапную дивящую усталость — зрелище, открывшее его глазам, поразит. Он не узнает свое село. Обветшалое, покосившееся, оно было похоже на старое, почерневшее лицо с опаленными бровями и ресницами: все заборы и заборчики, деревянные сараюшки и пристроечки исчезли — в студеные зимы они пошли на дрова. Топить было нечем, а до леса очень далеко. Его бросает встречать сельчане — с криками, с плачем. Растрепанная, выбежит на крыльцо сестра, встревоженно прижмет руки к груди и застынет, увидя брата. И радость, и боль, и испуг отразятся в ее глазах. Мгновенно он все поймет.

Из пятерых он вернулся с войны один, трое братьев и сын старшего брата погибли...

Тридцать семь лет спустя его найдет четвертый орден Славы. Так получилось, что он был дважды награжден — в разное время — орденом Славы второй степени. Просто не знали, что у него уже есть второй степени... И все будут удивляться, разглядывая на его груди столь необычное сочетание — четыре ордена Славы!..

Даже в самые тяжелые моменты войны, когда враги беспрестанно наступали и уже порой некому да и нечем было отбиваться, когда плавился металл и от напряжения, казалось, вот-вот порвутся жилы на руках и лопнут перепонки от неимоверного грохота, и тогда он ни на секунду не переставал верить, что победа будет за нами. Даже когда советские войска отходили, сдавая город за городом.

«Ничего, и Кутузов отступал», — говорит он, — мы помнили об этом. Даже если б сдали Москву, все равно б победили, просто б дольше воевали. Зря Гитлер тешил нас, что захватив столицу, он одолеет всю Россию. Зря он вообще на что-то рассчитывал. — Он говорит это, и я вижу, как у него слегка сощуриваются и становятся серыми и холодными глаза; он с усмешкой протягивает еще раз: — Зря-я... Зря и сейчас на что-то рассчитывают те, кто бряцает оружием. Пустое это дело».

**Вячеслав
КОНДРАТЬЕВ:**

«УХОДИЛИ НА ФРОНТ МАЛЬЧИШКИ»

— Вячеслав Леонидович, читая ваши книги, понимаешь, что и Сашка и Володька-лейтенант — это во многом вы сами. И все-таки прежде всего хотелось бы узнать чуть подробнее, какой она была — ваша война, как для вас начиналась, как закончилась...

— В Красной Армии я оказался по так называемому «ворошиловскому призыву» — в тридцать девятом, с первого курса архитектурного института... Хотя и случилось это достаточно неожиданно, необходимость армейской службы мы ощущали остро: в сентябре гитлеровцы напали на Польшу, началась вторая мировая, и было ясно, что нам сражения не избежать тоже... Московские мальчишки быстро становились мужчинами. Надо сказать, что служба на Дальнем Востоке дала нам очень много: и физически, и морально к войне были готовы. Правда, не хватало умения. Например, когда, оказавшись на фронте, подошли к передовой, я не знал, какова убойная сила немецкой мины. Мы прекрасно окапывались, хорошо стреляли, владели искусством рукопашного боя, но не знали, что вся передовая ночью будет освещена ракетами. Не знали, что гитлеровцы свою оборону оборудуют консервными банками на проволоке: когда разведчики подойдут, банки начинают греметь, и можно бить по уже пристрелянным местам... Да, многое было внове...

— Первый день войны, описанный в повести «Сашка», совпадает с вашим?

— Вполне. Помню, воскресный вечер, танцплощадка, у нас — чемоданное настроение: ведь без пяти минут лейтенанты запаса, на носу демобилизация... И вдруг — радио: война! Построили нас по тревоге, и комполка сказал: «Слово «запас» забудьте. Вы станете кадровыми командирами».

— Трудно было перестроиться?

— Нетрудно. Вероятно, тут сыграло свою роль и то, что после сравнительно недавних событий на Хасане и Халхин-Голе люди на Дальнем Востоке находились в постоянном ожидании возможных военных действий... А потом молодость, как известно, страха знать не желает. Уже в первый день к штабу полка потянулась очередь желающих немедленно идти на фронт. В докладных каждый это стремление мотивировал по-своему. Мой друг Илья Лапшин, например, написал: «Я поэт, и мое место — на передовой». Илья своего добился и погиб героем... Недавно мне попались на глаза письма, которые я поздней осенью сорок первого по дороге на фронт с Урала писал маме. Тогда уже знал, что война предстоит не такая, как в некоторых песнях тридцатых годов, а долгая и трудная. Так вот, письма очень откровенные, и из них видно, как я подготавливал себя к тому, что, вполне возможно, погибну под Москвой. И успокаивал себя именно тем, что если и погибну, то защищая родной город, столицу Отечества...

— В «Лихоборах» описана именно эта ваша дорога к фронту?

— Почти один к одному... Потом, в Лихославле, — первая бомбежка эшелона: бежали от вагонов, было страшно и стыдно, тем более что рядом — вагон санроты с девочками... Дали слово: в следующий раз — без паники. Так оно и случилось... Далее — дорога на фронт уже в пешем строю, причем почему-то она осталась в памяти даже сильнее, чем первый бой. Шли три дня и три ночи... Когда в сорок втором был в отпуске, пытался писать о той ночной дороге: на западе все время — полыхающее небо, первые раненые на повозках... Близ передовой увидели ракеты, следы трассирующих пуль... Страшно? Страшно. Но больше страха было желание поскорее участвовать в том великом, что происходит со страной...

На рассвете открылось нам огромное белое поле, а впереди чернеют крыши трех деревенек: Усово,

Овсянниково, Паново... И подбитые танки тоже чернеют. И лежат по всему полю те, кто безуспешно пытался эти деревеньки взять штурмом накануне... Сегодня это нужно сделать тебе, а ведь у тебя перед ними, погибшими, нет ни единого шанса. И опять, конечно, страшно. Но не только смерти боишься, а и того, что вдруг трусишь, не сможешь подняться в атаку — это для нас было тогда страшнее смерти... Все помню: и ватные ноги после команды «Вперед!», и разрывы мин, и снег, рябой от пуль, и удивление, что бежишь (не убит пока, даже не ранен!)... Потом — отход после неудачной атаки. Горькое ощущение: не освободили Овсянниково. И злость: ничего, возьмем!...

— Эта деревенька, это поле, судя по всему, место в вашей жизни занимают особое... Вспоминаются названия некоторых рассказов: «На поле овсянниковском», «Овсянниковский овраг»... А ваш первый бой, судя по услышанному сейчас, описан в повести «Селижаровский тракт»...

— Не только эта деревенька, но вообще бои подо Ржевом... Помните, у Твардовского: «Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте, в пятой роте, на левом, при жестоком налете...» Один полковник рассказывал: «Прошел всю Курскую дугу, до самого Берлина, но все-таки тяжелей всего было подо Ржевом...» Неудивительно, что Овсянниково, Ржев значат в моей судьбе столь много... Ну, а закончил я войну в конце сорок третьего, под Невелем: тяжелое ранение, госпитали... В Москву вернулся инвалидом... В сорок пятом, утром девятого мая, прикомандировался к костылям Володька Дев — тот самый, из повести «Встречи на Сретенке»: «С Победой!»

— Значит, и Дев — лицо тоже вполне реальное?

— А как же... Сретенка, Колхозная площадь, Третья Мещанская — это места моего детства, юности. И мои друзья чаще всего жили поблизости...

— За тем, что вы пишете, только ваш опыт?

— Нет, не только. Потому и не смог писать сразу, по горячим следам, что, кроме собственного опыта, тогда у меня ничего не было... Все мои друзья воевали, и их рассказы, конечно же, откладывались в памяти. Со временем произошло какое-то осознание того, что было. Ну, например, ни за что бы не стал писать «Отпуск по ранению», скажем, через десять лет после войны. Тогда бы я рассуждал примерно так: «Ну что, собственно, в том, что Володька-лейтенант приехал до окончательного излечения в Москву? Ну, лечился, гулял, знакомился — что здесь необычного?» В самом деле: сколько тогда рядом было таких же, которые так же в свое время приезжали, лечились, гуляли, знакомились... Однако прошли годы, бывших фронтовиков все меньше и меньше, и я теперь воспринимаю это иначе: все отчетливой понимаю, ЧТО стояло за этим отпуском, и еще, что это был НЕ ТОЛЬКО МОЙ отпуск, но и отпуск очень многих, может, десятков тысяч, и наши переживания, наверное, были схожими. Значит, можно и важно об этом рассказать. Так же наверняка тогда не пришло бы мне в голову писать «Селижаровский тракт»: все же прошли эту дорогу на войну, все сутки и больше с эшелона добирались до передовой. Что интересного: идет батальон, месит грязь или вязнет в снегу... А однажды вдруг все это показалось важным.

— Сразу после войны чаще всего писались книги, где рассказывалось о каких-то исключительных событиях: «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» и другие повести, романы, поэмы были посвящены особым проявлениям человеческого духа, верности, героизма...

— Да, а вот прозу войны тогда не писал почти никто. Впрочем, это можно понять: люди так устали от войны, что хотелось уберечь их от новых воспоминаний о грязи и крови. Уберечь от многих страшных подробностей военного быта... А сейчас, на рассто-

янии, каждая такая подробность стала очень важной. Например, как вы думаете: где солдат обычно носил капсюль-детонатор от гранаты? Я до сорок второго этого не знал... Когда мы пришли на передовую, боец, который уже во второй раз из госпиталя вернулся, спрашивает: «Товарищ командир, где у вас детонаторы?» Показываю на карман бридж, а боец: «Переложите в левый карман гимнастерки». Интересно: «Что, так удобней доставать?» И слышу в ответ: «Не поэтому. Если пуля, он взорвется — и конец. А если в галифе положить — минимум полбедре вырвет. Калек на всю жизнь. Зачем такое?»... Ну, разве подобную деталь придумаешь в писательском кабинете?...

— Кстати, об интонации: и у вас, и у многих других «военных» писателей она во многом совпадает. И определяют ее в основном главные герои повествования — мальчишки, которые сразу, со школьной скамьи, шагнули в войну. Суть этой интонации — какая-то особенная чистота, порядочность, высочайшая нравственность, духовность... Что, на ваш взгляд, определило все эти черты поколения, к которому вы принадлежите?

— Можно говорить о многом, что определило лицо нашего поколения, но я остановлюсь лишь на одном, весьма существенном: мы много читали. Да, развлечений было мало, телевизора не существовало, и почти все свободное время мои сверстники читали, причем чаще всего хорошую литературу, классиков. Наверное, наше отношение к женщине, например, воспитывалось при чтении Тургенева — во всяком случае, женские тургеневские образы значили для нас многое... Нынче, на мой взгляд, молодые читают меньше вообще и хорошую литературу в частности. А ведь чтение — это духовная работа... Я не против кинематографа, он прекрасен, но разве экранизация классики может заменить подлинные странички Пушкина, Шекспира, Толстого, Гете? Да, грустный парадокс: книгоиздательское дело растет, а молодежь читает явно меньше.

— Вы часто встречаетесь с молодыми читателями своих книг. Каковы ваши ощущения: насколько у молодых память о прошедшей войне прочна?

— Верю: пока живы бывшие фронтовики, пока в каждом доме висят фотографии погибших на полях Великой Отечественной, эта память прочно будет с молодыми. Кстати, иногда мы их явно «перепицкиваем» войной. Особенно опасно обилие приключенческой, детективной беллетристики, созданной якобы «на материале» второй мировой... Под «беллетристичкой» я прежде всего подразумеваю вторичный характер повествования... Помнится, в шестьдесят втором году наконец-то решился вновь побывать подо Ржевом. К этому времени у меня уже было написано триста страниц о войне. И вот когда там, на бывшем поле боя, полистал свою писанину, понял, что это беллетристика, что сейчас писать надо на каком-то совсем другом уровне. Да, как не надо писать — это уже знал. А на то, чтобы уразуметь, как надо, мне потребовалось еще четырнадцать лет...

— Может ли, на ваш взгляд, человек, не знавший войны лично, написать о ней правду, снять достойный фильм?

— Снять фильм при наличии соответствующего материала, думаю, способен. Например, по моему убеждению, самый лучший фильм о Великой Отечественной — «Двадцать дней без войны», снятый Алексеем Германом, который помните те годы никак не может. Но в кино свои проблемы. Вот Александр Суриц по моей повести «Сашка» сделал вроде достаточно серьезную картину, однако одного эпизода простить ему не в силах. Увы, не смог втолковать молодому режиссеру, что снятые им «страсти-мордасти», которые разыгрываются между главным героем и Зиной, с точки зрения фронтовика, абсолютная неправда. Смертельно усталые, вконец измотанные, голодные люди там, в те дни, на такие «страсти», на такие «объятия» (взятые — ну точно! — из западных лент нашего времени) просто-напросто не были способны... Увы, порой видишь на экране войну какую-то облегченную, «опереточную». Или такая распространенная деталь: у солдата из-под пилотки волосы — аж до плеч! Актер ради роли, ради правды даже на короткое время не может пожертвовать прической — это же безнравственно! И зритель, в том числе и молодой, подобную фальшь замечает мгновенно... Но если отстраниться от подобных воспоминаний, то в принципе молодые кинематографисты создали о тех днях немало по-настоящему правдивых лент... Может ли молодой автор сегодня так же сильно о войне написать? Думаю, что это ему сделать значительно труднее, потому что ему сложно найти хотя бы одну свежую, до него не описанную деталь. А ведь строки фронтовиков (например, «Атака» Генатулина) убеждают именно в деталях.

— Ну, а однополчан встречаете?

— Ни разу. Из пятидесяти прибывших на фронт тогда с Дальнего Востока к моменту моего последнего ранения в живых оставался лишь один Пахомов, но разыскать его не смог. Вот что такое Ржев... Всякий раз девятого мая с надеждой иду к Большому театру...

Поездом от Витебска до Шумилина час езды. Мелькают за окнами перелески, овраги, болотца. Где-то там пролегли партизанские тропы.

То ли колеса стучат, то ли сердце колотится. Никогда еще так не волновался — в Шумилине меня ждет встреча с героическим человеком, Натальей Леонидовной Герман, бывшей в годы фашистской оккупации секретарем Сиротинского подпольного райкома комсомола. Название района было тогда именно такое, но многие события, связанные с борьбой партизан и комсомольцев-подпольщиков, происходили тут, в окрестностях Шумилина.

— Вот какая я была. — Наталья Леонидовна протягивает довоенную фотокарточку: улыбающаяся девушка в осоавиахимовской форме, перехваченной ремешками, со значком ворошиловского стрелка на

груди, из-под кепки с большим козырьком волной выбиваются светлые, коротко стриженные волосы. Именно такими, подтянутыми, веселыми, энергичными, мы знаем комсомолок 30-х годов по книгам и старым кинофильмам. Такими они были и в жизни.

— На воскресенье, 22 июня, были намечены районные соревнования, — рассказывает Наталья Леонидовна. — Нам, комсомольцам, поручили подготовить спортплощадку. Утром иду туда — ветерок, солнце, на небе ни облачка, настроение отличное. Навстречу мне наш райвоенком, Иосиф Демьянович Калинин. «Наташа, — говорит, — никаких соревнований сегодня не будет, отпуская ребят, слушайте радио, в 12 часов передадут важное сообщение». У меня будто что оборвалось внутри. «Война?» — спрашиваю, а сама уже по его глазам вижу: да, война...

**М. САМСОНОВ.
ПОДВИГ
КОМСОМОЛКИ
ВАЛЕРИИ
ГНАРОВСКОЙ.**

**Г. ПРОКОПИСКИЙ.
НАШЕ ЗНАМЯ.**

Сила народного духа,
сила народного гнева...
«Новый порядок», который
с чудовищной жестокостью
устанавливали гитлеровцы в
захваченных городах и селах, додумал
по мысли его «творца», лишь страх и
покорность. Но советские люди не
покорились, не стали рабами.
Патриоты не вердали страхом.
Страхом было оккупантам. «Партизаны» —
это слово наводило ужас на врага.
Тысячи комсомольцев-партизан
сражались с захватчиками.
Возглавляли борьбу молодежи
подпольные обкомы, горкомы и
райкомы комсомола. И там, где враг
пытался навязать нашему народу
«новый порядок», законом жизни
советских людей оставался порядок,
провозглашенный Великим Октябрем.
Комсомольские райкомы стали
боевыми штабами сопротивления окку-
пантам.

ТОВАРИЩ РАЙКОМ

Павел
ЕМЕЛИН

Скоро пришел черед ей прощаться с матерью. «Будь поосторожней,—сквозь слезы просила мать.—Всегда ты вперед норвишь».

Трудные, неисповедимые дороги эвакуации привели Герман и ее товарищей на Волгу, в Казань. Их разместили, устроили на работу. Но Наташе не терпелось вернуться назад, в родную Белоруссию, хотелось драться, мстить врагу за поруганную землю, за людские страдания. Вместе с землячкой Марией Мацкевич, которую Наташа хорошо знала по прежней комсомольской работе, решили отправиться в обратный путь на свой страх и риск. Добрались лишь до Горького — дальше их не пропустили.

Днем подруги работали на небольшом канавинском заводе, а потом шли в военкомат и в который раз спрашивали: пришел на них вызов или нет. Наконец, долгожданный ответ был получен: «Вам надлежит прибыть в Москву, в Белорусский штаб партизанского движения».

В числе других девушки прошли подготовку для ведения комсомольской работы в тылу противника. Чему учились комсомольские вожаки, которым предстояло действовать под самым носом у врага? Стрелять, ставить мины, изготовлять листовки, но самое трудное ждало их там, за линией фронта, где малейшая ошибка грозила смертью.

После спецподготовки подруг направили в знакомые им места, на Витебщину: Марию в Бешенковичский район, а Наташа была назначена (в те суровые годы комсомольских руководителей не избирали, а назначали) секретарем Сиротинского подпольного

С. БОЧАРОВ. 40 ЛЕТ СПУСТЯ

райкома комсомола и одновременно членом бюро подпольного райкома партии.

Но как попасть к месту назначения, когда там кругом вражеские гарнизоны, засады, когда в поисках партизан рыщут вооруженные до зубов каратели? Некоторое время Наташе пришлось поработать уполномоченной Витебского подпольного обкома комсомола в Дриссенской партизанской бригаде. Раз, когда она шла в село, где ее ждала молодежь, готовая вступить в отряд народных мстителей, попала под сильную перестрелку — партизаны, подорвав эшелон противника, вели бой. Одна пуля задела Герман. Но отлеживаться в госпитале было некогда: в обкоме комсомола ждут с донесением.

Был конец мая 1942 года. Еще действовали знаменитые Суражские ворота, через которые партизаны поддерживали связь с Большой землей. На подходе к деревне, где располагался тогда Витебский обком ЛКСМ Белоруссии, Наташа встретила пробирающуюся во вражеский тыл группу партизан и среди них — первого секретаря обкома Василия Лузгина. Он подробно расспросил ее о комсомольских делах в бригаде, а узнав, что она ранена, достал блокнот, написал что-то и, вырвав листок, протянул его Наташе. «Передай эту записку второму секретарю», — строго сказал Лузгин. Когда Наташа пришла в обком комсомола и передала записку, то тут только стало известно, что в ней написано: «Товарища Герман направить в госпиталь и до полного излечения не посылать в тыл противника».

— Как это не посылать? — возмутилась девушка. — Через несколько дней отсюда пойдет группа как раз в Сиротинский район. Если я сейчас туда не попаду, то когда же?..

— Подлечись же, а там будет видно, — успокаивал ее второй секретарь.

Но Герман долго ждать не могла. Узнав, что сиротинская группа уходит, она просто-напросто сбежала из лазарета. Первого июля Наташа прибыла в партизанскую бригаду Короткина и сразу же приступила к своим прямым обязанностям.

В бригаде комсомольскую работу вел Юрий Цереня, худощавый кудрявый паренек, которого Наташа помнила еще мальчиком — до войны они жили по соседству. Опыт комсомольской работы у Юры не было, зато ребят в отрядах и в окрестных деревнях он знал хорошо. По совету комиссара бригады они подобрали еще пятерых комсомольцев с организаторской жилкой, и подпольный райком начал действовать.

— Первым делом взялись за учет, — вспоминает Наталья Леонидовна.

Учет в подполье? Что значил он тогда, в тех условиях? Проверка, переписка бойцов — вот его истинная суть. Ведь комсомолец, состоящий на учете в подпольном комсомольском райкоме, — это прежде всего активный штык. Потому что и сам подпольный райком, созданный при партизанском штабе, — это воюющий, сражающийся райком.

Сохранилась записная книжка, в которую Наталья Герман заносила имена комсомольцев-партизан, их год рождения, время вступления в отряд и в комсомол. Читаю: Воронов Алексей, 1924 год рождения, в отряде с 9 сентября 42-го года, в комсомоле с того же года, принят Сиротинским райкомом ЛКСМБ. А вот другая запись: Гляков Иван, родился в 1924 году, в отряде со 2 октября 1942 года, в комсомол вступил в 43-м, а далее короткое, как выстрел, слово — погиб.

Сухие, наспех написанные строчки, а в них судьба целого поколения. Восемнадцатилетние мальчишки, взявшие в руки оружие. Они не хотели умирать, но честь Родины была для них дороже собственной жизни. Эти мысли о жизни и смерти, конечно же, тревожили молодых партизан, говорили они об этом и на своих комсомольских собраниях. Наталья Леонидовна запомнила слова отважного комсорга отряда «Грозный» Василия Чикова. «Умереть за Родину не страшно, — говорил он ребятам. — Но если придется отдать жизнь, то пусть эти гады заплатят за каждого из нас подороже».

На боевом счету комсорга «Грозного» было 11 эшелонов, 36 машин и более 70 гитлеровцев. В тот день он пустил под откос двенадцатый эшелон. После трудного марш-броска группа остановилась на отдых в каком-то заброшенном сарайчике — тут их и окружили фашисты. Завязался бой. Василий приказал товарищам отходить, а сам остался прикрывать их огнем. Кончились патроны, кольцо врагов сжималось все плотнее. Выпущен уже последний патрон — что делать? Василий вышел из укрытия, подняв руки, — в одной он держал белый платок и гранату. «Ну, ближе, ближе», — мысленно торопил он гитлеровцев. Когда те сгрудились вокруг молодого партизана, Чиков резко опустил руки...

О подвиге Василия Чикова райкомовцы рассказывали во всех партизанских отрядах, воспитывая на его примере новых молодых бойцов.

Среди решений Сиротинского подпольного райкома ЛКСМ Белоруссии было и такое, помеченное 15 декабря 1942 года:

«Организовать широкий сбор средств на постройку самолета «Комсомолец Витебщины». Сбор средств

осуществлять деньгами, облигациями, золотом и серебром (монетами и вещами), проводя широкую разъяснительную работу среди населения... Просить Витебский обком комсомола поддержать инициативу комсомольской организации Сиротинского района и объявить сбор средств во всех районах Витебской области.

Секретарь РК ЛКСМБ Герман».

Да, тут нет ошибки: сиротинцы предлагали проводить эту патриотическую кампанию во всех районах области, которая в то время была в глубоком вражеском тылу. Однако гитлеровцам так и не удалось завоевать Витебщину, значительную часть области контролировали партизаны. К осени 1942 года подпольные райкомы комсомола были созданы во всех районах Витебской области. «Белоруссия была и остается советской» — эти гордые, чеканные строки из листовок, которые распространяли партизаны и подпольщики, не были только словами.

Сбор средств на комсомольский самолет начался. Наталья Леонидовна хорошо помнит, как проходил собрание жителей в одной деревне, в старообрядческой избе. Люди с затаенной надеждой пришли послушать партизанского агитатора, к тому же секретаря райкома — Наташа не скрывала своей должности. Всем хотелось узнать, как там на фронте, скоро ли придут наши.

— Красная Армия громит фашистов, — горячо говорила Герман, — но ей нужна и наша помощь...

Старушки негнущимися пальцами развязывали узелки, в которых хранили свои скромные сбережения. Женщины, солдатские вдовы протягивали секретарю райкома обручальные кольца...

Да, люди в Белоруссии от мала до велика успели на себе почувствовать, что такое «новый порядок», и узнать повадки тех, кто его устанавливал. Пламя сожженных деревень — а их вместе с Хатынью 628 — стучало в сердце каждого патриота.

В ответ на злодеяния врага все новые и новые молодые борцы вставали в ряды народных мстителей. Пополнение пришло и в бригаду имени Короткина, которая вскоре разделилась на две самостоятельные бригады. Прибавилось дел и у секретаря райкома комсомола. «Наташа, как заправский казак, скакала на лошади по отрядам», — вспоминает Н. А. Сакмаркин, бывший командир бригады имени Ленина. (Кстати, еще до войны Наталья Герман участвовала в конноспортивном переходе Сиротино — Минск, так что и этот опыт ей пригодился в партизанах.)

...Однажды на привале к ней подошел Юрий Цереня, вернувшийся из разведки.

— Наташа, в Зуях и Оболи есть толковые ребята-комсомольцы.

— Как ты узнал?..

Юрий остановился переночевать в Зуях у своего одноклассника Володи Езовитова. Но разве уснешь, когда столько не виделось. Говорили, конечно, и о положении на фронте. «Эх, сейчас бы Москву послушать», — мечтательно вздохнул Юра. «Послушаем». — Володя, смывленный, ладный паренек с густым золотистым чубом, любимец девчонок-одноклассниц, хитро подмигнул приятелю и куда-то исчез. Вернулся с приемником в руках — прятал в укромном месте. Затаив дыхание друзья ловили Москву — и вот сквозь шум и помехи донесся знакомый, такой близкий и дорогой голос...

По заданию райкома партии в Оболи была создана подпольная комсомольская организация во главе с уроженкой деревни Ушалы, что в пяти километрах от Оболи, Фрузой Зеньковой. Это была одна из семи подпольных первичных организаций, которые действовали в окрестных селах под руководством Сиротинского райкома комсомола.

Маленькая станция Оболь была немаловажной точкой на карте гитлеровского командования. Здесь заправлялись водой все вражеские поезда, шедшие из Прибалтики на Восточный фронт. Тут была единственная уцелевшая водоканчка на большом перегоне от Двинска до Витебска. Фашисты держали в Оболи многочисленный гарнизон, днем и ночью охраняли все подступы к водоканчке. В лоб, атакой партизанскими силами, тут ничего не сделаешь — нужны другие способы. Какие? Этот вопрос и решали на одном из конспиративных совещаний.

— Дайте мне резиновые перчатки и ножницы, и я взорву эту водоканчку, — горячо выпалил неуемный Володя Езовитов.

— Нет, так не пойдет, — охладил его пыл начальник штаба партизанского отряда имени Ворошилова Петр Пузикив. — Проволока не только под током, там еще и звуковая сигнализация. Чуть заденешь — поднимется тревога.

— Пору-чите это мне. — Все посмотрели на серьезную, молчаливую Нину Азولينу — по заданию райкома комсомола ей удалось устроиться на работу в местную комендатуру. — Я сумею поставить мину, если ее сделать в виде куска угля.

— А что, это идея! — поддержал девушку комиссар отряда Борис Маркиянов, который руководил действиями обольских комсомольцев.

Партизаны изготовили мину, обмазав толовую шашку расплавленным воском и облепив ее мелкими кусочками угля. Едва не угодив в лапы полицейев, Фруза Зенькова принесла опасный «гостинец» подружке в бидоне с молоком. Нина переложила мину в свою сумочку и ждала подходящего случая попасть на склад угля. Случай такой скоро представился, и через два дня водоканчка взлетела на воздух. Движение поездов застопорилось почти на две недели. Ох, как бесновались гитлеровцы! Ведь эти эшелоны с вооружением, боеприпасами и живой силой направлялись на Курск и Орел, где разыгрывалось решающее сражение, повлиявшее затем на весь ход войны.

Двадцать одну боевую операцию провели обольские комсомольцы. Но в конце августа 1943 года почти все они были схвачены фашистами. Допросы, пытки в гестаповских застенках ничего не дали врагам — юные патриоты до конца остались верны своей клятве.

Как о живых говорит о героях-подпольщиках Наталья Леонидовна — она, секретарь райкома, хорошо знала каждого из них.

— Вот она, моя любимица! — Герман показывает фотокарточку ясноглазой девочки с пионерским галстуком. — Зина Портнова, член обольской подпольной комсомольской организации, бесстрашная партизанская разведчица, Герой Советского Союза.

Высокое звание было присвоено Зине посмертно в 1958 году, когда о делах обольского подполья узнала вся страна. Тогда же звание Героя была удостоена и вожак обольских комсомольцев — Фруза, Ефросинья Савельевна Зенькова, боевыми орденами отмечены заслуги наиболее активных комсомольцев-подпольщиков.

— Помню, как мы принимали Зину в комсомол, — продолжает Наталья Леонидовна. — Было это у деревни Аделино, на опушке леса, в ноябре 1943 года. Как сейчас вижу, — улыбается Герман, — стоит она у березки в своем голубеньком пальтишке, бантики в косичках... В отряд Зина пришла еще до ареста ребят, вместе с девятилетней сестренкой Галей, которая, кстати, тоже помогала подпольщикам. Нелзя было им больше оставаться в Оболи... Как и другим вновь принятым членам ВЛКСМ, я выписала Зине комсомольский билет — тетрадный листок с треугольной партизанской печатью. А через месяц нашу Зину схватили возле деревни Мостицы... Как жаль, что пистолет, который она схватила со стола эсэсовца, дал осечку! Не случись этого, может, ей и удалось бы спастись...

Вспомнила Наталья Леонидовна и другие яркие события тех лет. Одно из них — межрайонная комсомольская конференция в Клястицах, 5 апреля 1943 года. Кругом война, а тут, в тылу врага, партизанско-комсомольцы обстоятельно, по-деловому обсуждают свои насущные вопросы. Сюда приехали делегаты от шести районов. От Сиротинского — Наталья Герман, Юрий Цереня, Нина Антоник — юная пулеметчица, а позднее — член подпольного райкома комсомола, другие ребята. С самого утра заиграли гармошки, зазвенели песни — как же иначе, ведь собралась молодежь. А в 11 часов слово было предоставлено докладчику.

На конференции много говорилось о боевых делах и успехах молодых партизан, в то же время была и критика в адрес комсомольских работников. Анастасия Парфеновна Жавнерко, в ту пору секретарь Витебского подпольного обкома комсомола, помнит, как ей досталось от Петра Мироновича Машерова, комиссара бригады имени Рокоссовича. Он считал, что представители обкома редко появляются в партизанских отрядах. Никто тогда и не подумал сослаться на разбросанность партизанских формирований, на опасность переходов. Критика была признана справедливой.

Как ни пытались фашисты разгромить белорусских партизан, а все же народные мстители с честью выходили из самых жарких схваток, сохраняя боеспособность, порядок и дисциплину. Никогда не ослабевало партийное руководство партизанским движением. Необычайно высок был среди бойцов авторитет подпольных райкомов партии и комсомола. Авторитет этот добывался в бою, стойким и умелым преодолением всех трудностей походной жизни. Партийный секретарь, комиссар, комсомольский вожак были примером для всех и во всем.

Наталья Леонидовна Герман и сегодня поддерживает самые тесные связи с бывшими витебскими партизанами, с кем на равных делила и последний сухарь, и последние патроны. «Дорогой мой старший друг Наташа», — это пишет ей из Бреста Юрий Терентьевич Цереня, тот самый кудрявый паренек, с которым она ходила на явку к обольским подпольщикам. Теперь за его плечами уже немалый опыт руководящей работы. Из Минска пишет ей Нина Савельевна Антоник, из Ленинграда — Галина Мартыновна Портнова, сестра дорогой ее сердцу Зиночки. Для них, ее товарищей по оружию, по партизанскому братству, Наталья Герман и поныне остается верным советчиком, боевым комсомольским секретарем.

**Василь
БЫКОВ:**

«СОВЕСТЬ ВЕЛЛЕЛА»

— **Василий Владимирович, наверное, вполне справедливо высказать предположение, что писателем вас сделало такое античеловеческое, такое страшное явление, как война?**

— Вероятно, это справедливо, хотя начинал я в пятидесятые годы все-таки не с военной темы: первые страницы были посвящены молодым современникам. Затем вышел сборник сатирических рассказов, а о военной прозе тогда не помышлял. Однако вскоре она захватила меня целиком, и вот уже четверть века ни о чем другом писать не могу. Почему так? Скажу откровенно, во время войны не мог читать ничего, написанного о ней в жанре художественной литературы: слишком уж велика была разница между книжным изображением людских страстей и подлинными страстями, которые бушевали на полях сражений... Конечно, о той поре нынче написано много, и среди книг о войне встречаются очень сильные. Вроде бы что еще можно добавить? Но когда в эту тему углубляешься, обнаруживаешь там все новые возможности, все новые проблемы. И хотя у меня есть полтора десятка повестей, думаю, что самого главного еще не ухватил, что там, в глубинах войны, заключено самое значительное, к чему стремится искусство...

— **Как вы сами для себя определяете это «самое главное, самое значительное»?**

— Главное в книгах о войне — правда, глубина постижения правды, и дается она далеко не каждому, даже если человек, берясь за перо, полон самых благих намерений. Но настоящий талант возникающие при работе трудности обычно преодолевает, талант же поскромнее на них натывается и далее скользит по линии наименьшего сопротивления. Вот тогда-то мы и читаем в книгах приблизительную правду, лишь часть правды, которая, например, состоит в стремлении отразить только героизм, только патриотизм. Однако на фронте рядом с грандиозным патриотизмом, с величайшим героизмом было еще самое разное... Поэтому, на мой взгляд, задача литературы и вообще искусства состоит в том, что, пока есть возможность, пока живы участники тех событий, надо постараться отразить правду войны с полнотой максимальной... Самым честным, самым талантливым это удается — назову хотя бы Астафьева, Адамовича, Бондарева, Бакланова, Гранина, Носова, Кондратьева... Обратите внимание: в этом перечне (который, конечно же, можно продолжить) все бывшие фронтовики. У каждого — личный опыт СВОЕЙ войны. Когда же такого личного опыта нет, человеку приходится «сочинять», что обычно и делается...

— **Что касается ваших повестей, то там этот личный опыт автора ощущается постоянно: убедительность каждой детали почти документальная... И все же, допустим, в партизанах вы не были, а о партизанах пишете — значит, не только личный опыт?**

— Не только. Скажу так: личный опыт, умноженный на воображение... Да, в партизанском отряде я действительно не сражался, и все же партизанские повести написаны на основе личных знаний, представлений, а главное, понимания психологии человека на войне...

— **Уж коли речь зашла об этом: почему же все-таки вы, в прошлом армейский офицер, так настойчиво возвращаетесь к партизанской теме?**

— Наверное, прежде всего потому, что живу в Белоруссии, где партизанская война стала уделом целого народа. У нас сама нравственная атмосфера содержит в себе очень много от партизанского прошлого... Кроме того, когда в работе углубил свои нравственные поиски, то обнаружил, что борьба с врагом на оккупированной территории дает наиболь-

шие возможности для исследования проблем выбора. Человеку постоянно приходится делать выбор — и в малом, и в большом. Во время же войны выбор значит все, от него зависело, жить или умереть. Каждый солдат на поле боя был связан с этой проблемой. Так вот, война армий, если так можно выразиться, более стандартна, так как действия войск в значительной степени регламентированы. И потом, человек дал воинскую присягу! На оккупированной же территории человек чаще всего никакой присяги не дает. Совесть — вот что определяет его действия. Там много хаоса, много стихии. Там было все: и высокая доблесть, и низкое предательство...

— **Исследованиями истоков предательства вы так или иначе настойчиво занимаетесь почти в каждом своем произведении...**

— Потому что природа героического нам близка и понятна. Читателю не надо подробно разъяснять, что заставило Александра Матросова броситься на амбразуру дзота, что повело на смерть молодого гвардейца: ведь их поведение для советского человека — норма. Так вот, тысячи действий согласно этой норме, а один вдруг (вдруг ли?) вопреки ей. Что же, какие же такие особые условия, чрезвычайные обстоятельства сделали его предателем? По мере сил стараюсь в природе предательства разобраться, дабы предостеречь людей от подобного в будущем, дабы все реже встречались в нашей жизни такие типы, как Рыбак или, допустим, Пшеничный...

— **В беседе с Вячеславом Кондратьевым, о книгах которого вы только что упомянули, выяснилось, что ЕГО война — это бой подо Ржевом, у деревеньки Овсянниково, недаром писатель посвятил этим местам столько страниц... Ну, а откуда, от какого конкретного места начинается ВАША война, есть ли у вас свое «Овсянниковское поле»?**

— Таких памятных мест у меня несколько — и на нашей земле, и по ту сторону границы, особенно в Венгрии, у Балатона, где пришлось очень тяжело... И все-таки, пожалуй, свое «Овсянниковское поле» у меня есть — на Кировоградчине, возле деревни Большая Севериновка... Было это в январе сорок четвертого. Наш стрелковый батальон поздним вечером вел бой. И вдруг — вражеские танки. Огонь оказался очень плотным, выстоять пехоте против танков в степи трудно. В общем, взвод, которым я командовал, как и всем остальным, досталось крепко. Раненый в ногу, лежу и вижу: один танк поворачивает на меня... Метнул противотанковую гранату — неудачно: ударила в снег возле гусеницы и не разорвалась. Фашист еще точнее повернул на меня, и я едва успел поджать ноги: танк буквально вдавил в снег полы шинели... Через мгновение комроты Петр Миргород отчаянным броском гранаты все-таки поразил гитлеровскую машину... Кое-как мы смогли добраться до скирды, но немцы ее зажгли. Потом добрались до полевой дороги, а там повозка довезла меня до села. Раненых в хате набралось человек пятнадцать. Только задремал, кто-то трясет за плечо: «Быков, Быков...» Смотрю — командир батальона. «Ты ранен?» — спрашивает. «Ранен». «Ходить можешь?» «Нет». «Наш батальон разгромлен», — сказал комбат... Утром село вновь атаковали гитлеровские танки. Я выполз из хаты и был чудом подобран на последнюю повозку. Один танк остановился против нашей хаты, дал залп — хата вспыхнула... Очевидно, все это видел комбат, который не знал о моем спасении, — так на меня была составлена похоронка... Уже после войны, когда служил на Дальнем Востоке, однажды вдруг вызывают в штаб, показывают документ: «Лейтенант Быков Василий Владимирович значит убитым 7 января 1944 года и похоронен в братской могиле в деревне Большая Севериновка.

Затребуйте у Быкова объяснение по этому делу...» Написал объяснение, а спустя некоторое время поехал в ту очень памятную деревню, пришел к той могиле, где покоятся и Петр Миргород, и почти все мои солдаты... Так что, возвращаясь к вашему вопросу, это поле под Большой Севериновкой в моей войне, пожалуй, самое главное. Там до конца узнал, почему фонт лиха...

— **А где для вас война закончилась?**

— В Австрийских Альпах, близ городка Роттенман, на реке Энс: там мы встретились с союзниками...

— **Вели на фронте дневники?**

— Не представляю, как это можно сделать на передовой... Кстати, дневники в действующей армии вообще были строжайше запрещены, в связи с чем мне кажется, что некоторые сочиняют их уже задним числом.

— **Значит, все по памяти?**

— Если стремишься создать нечто стоящее о Времени, надо жить в нем, даже если это Время давно минуло. Впрочем, еще лучше, если Время будет жить в самом художнике, не покидая его... Когда читаешь книгу о прошедшей войне, нетрудно понять, в каких взаимоотношениях автор и Время находятся: «красивость» и «литературщина» с правдой не спутаешь... Не случайно столь выросла сейчас цена документального жанра. К примеру, книга Светланы Алексиевич «У войны — не женское лицо»: молодая журналистка из Минска проделала колоссальную работу, объездила всю страну, записав рассказы сотен женщин — участниц войны, и какая сильная вещь получилась!

— **Когда читаете «Знак беды», почему-то кажется, что Петрок и Степанида должны напоминать ваших отца, маму...**

— Никаких «писательских генов» в моей семье не было. Родители — крестьяне, с литературой почти не соприкасались. В дни оккупации им досталось... Сестру гитлеровцы отправили в Германию, в дороге бежала... Может быть, что-то в героях «Знака беды» есть и от родителей, но если это и вышло, то подсознательно...

— **Кстати, «Знак беды», как и все, что вами написано о войне прежде, вы нарекли повестью. Между тем многоплановость, большой социальный срез явно выводят повествование к роману...**

— По моему, выделяя жанр написанное, лучше обойтись без претензий... Когда-то Шкловский сказал очень точно: «Повесть — самый художественный жанр прозы». Да, повесть больше отражает частности жизни, а роман требует от жизни всей правды. Если же всей этой правды художник подать не может, то ему лучше все-таки ограничиться повестью, ведь роман, не обеспеченный этой большой правдой, несостоятелен, будь он даже в трех томах...

— **Как считаете: экранная и сценическая судьба ваших повестей сложилась удачно?**

— К тому, как мои повести выглядят на сцене и экране, отношусь спокойно, потому что, переложенные на язык другого искусства, они неизбежно должны что-то потерять, но что-то и обрести... Так, несомненно, новые краски обрела повесть «Знак беды», впервые инсценированная и поставленная на сцене Ленинградского театра драмы и комедии главным режиссером Яковом Хамармером. Очень важно, что в этой работе нет уклона в занимательность. Обычно я опасуюсь этого уклона, ибо занимательность серьезную прозу, тем более прозу о войне, разрушает. Почему? Да потому, что занимательность непременно, как говорится, «тянет одеяло на себя», и исчезает то значительное, без чего невозможно данное прозаическое произведение, но без чего порой вполне обходятся и фильм, и спектакль...

— **Ну, а фильм «Восхождение»?**

— Эту работу так рано ушедшей из жизни талантливой Ларисы Шепитько, конечно, выделяю. Кстати, и привнесенного, и утраченного там намного меньше, чем в других случаях...

— **Храните дома реликвии военной поры — гимнастерку, например, или пилотку, или ремень?**

— Это теперь они стали «реликвиями», а тогда хотелось поскорее переодеться в гражданское. Даже для сыновей не сохранил. Но у старшего давно своя воинская амуниция, он майор, связист. А младший — детский врач...

— **О чем будущая книга?**

— В этой повести будут сочетаться два времени: война и нынешние дни. Опять проблема выбора. А еще — верности и (что у меня встречается нечасто) любви...

— **Итак, снова война...**

— Снова. Среди воинов Великой Отечественной мое поколение — 1924 год рождения — было почти самым молодым. Живые свидетели тех дней уходят из жизни, и литераторы будущего (даже самые талантливые) едва ли смогут рассказать о той битве с полным знанием дела. Поэтому надо спешить...

**Беседовал
с В. КОНДРАТЬЕВЫМ и В. БЫКОВЫМ
Лев СИДОРОВСКИЙ.**

В начале июля сорок первого, когда вал войны катился на восток, в их город ворвались гитлеровцы. Ребятам тогда казалось, что оккупация лишь кошмарный сон, который кончится не сегодня-завтра. Но время шло, грохот сражений удалялся в глубину страны, и пятеро друзей решили, что пора действовать. И потому создали подпольную комсомольскую организацию.

Бывшая пионервожатая Клава Назарова, хохотушка и проказница, и подруга ее, Мила Филиппова, работавшая прежде корректором в районной газете, да трое ребят, только что окончивших школу: Лева Судаков, Олег Серебренников, Саша Митрофанов. Олег был самым остроумным в классе, ловко крутил на турнике «солнце», играл на мандолине. Лева с

Сашей собирались поступать в Ленинградское военное училище, но грянуло двадцать второе июня, и все планы рухнули. Оккупация.

Командиром у них стала Клава Назарова, самая старшая, девушка с быстрыми черными глазами.

...Комсомольцы тех лет с упоением слушали «Тачанку», пели: «...Не видать им красавицы Волги и не пить им из Волги воды», умели попадать из мелкокалиберной винтовки в спичку с расстояния в тридцать метров и верили, что Красная Армия никогда не отступит. Они не знали и не могли знать, что такое борьба на оккупированной территории.

Директива о создании в захваченных районах групп для борьбы с частями вражеской армии пришла в город Остров Псковской области незадолго до того, как в него ворвались немецкие танки. В городских учреждениях еще сидели на чемоданах служащие, дожидаясь отправки в эвакуацию, а клинья немецких механизированных колонн уже сомкнулись глубоко в тылу наших частей.

Госпиталь, который не удалось вовремя эвакуировать, немцы перевели на положение лагеря военнопленных. Изображая великодушие, разрешили нашим врачам, медсестрам ухаживать за ранеными красно-

армейцами. Клава Назарова приносила хлеб раненым, присматривалась к людям. По глазам определяла: «потух» человек, сдался или надеется выбраться, часа своего поджидает. Она поддерживала эту надежду и шуткой, и взглядом озорным, поднимала на ноги плененных бойцов краяхами хлеба, а еще верой в победу.

В сорок четвертом, уже шагая на Запад с действующей армией, не мог забыть Архип Александров просветленное и упрямое лицо той девочки в белом халате, что принесла ему в палату буханку ржаного, а потом и новенький наган. Щедро насыпала в карманы патронов, компас дала, объяснила, какими деревнями лучше идти. Сентябрьской ночью Александров вместе с военным летчиком Иваном Балковым выбрался из города. Сил было мало, каждый шаг отнимал последние, но раненые упорно тянулись вперед. Знали: осталась в Острове девушка, которая верит, что обязательно дойдут.

Они дошли. А вслед за ними группа Назаровой помогла вернуться в ряды бойцов еще несколькими десяткам военнопленных.

Командование вермахта перебрасывало через Остров войсковые части, пополняя группу армий

Алексей
ВОРОБЬЕВ

НЕПОКОРЕННЫЕ

Легендарна память о юных краснодонцах из «Молодой гвардии». Но сколько еще не менее ярких примеров беззаветного мужества хранит история войны! Сколько их было — вчерашних школьников, принявших свой первый и неравный бой на оккупированной территории! Сколько их было — прошедших пытки, истязания, казненных, но непокорившихся! Фашисты хотели лишить наш народ чести и достоинства, вытравить память. Не удалось, не могло удаваться. Нестигваем дух советского человека.

В. ПУЗЫРЬКОВ.
КИЕВ 1942.

Все могли, все казалось по плечу, и герои их огромной страны были для ребят своими, родными, близкими. Отсюда и ощущение полета, легкости, свободы.

Они чувствовали себя свободными даже на территории, временно занятой врагом. Временно — в это верил каждый! Но чего же стоило тогда, когда каждое неверное слово грозило очередью в упор, чего стоило им выдержать, не сдаться, продолжать борьбу! На какой же любви к жизни была замешена сила их духа, если те мальчишки и девочки смогли одолеть все?

Самым младшим в группе был Козловский, он едва дожид до восемнадцати, а на уцелевшей фотокарточке ему всего-то около десяти — пацаненок с удивленным взглядом. Сестра его Маргарита так вспоминает о брате: «...Молодежь отправляли в Германию, подошел черед и Шурика. Отец, правда, выручил, подкупил кого надо самогонкой, это просто было. И Саша сам напросился в полицию, по заданию, конечно. Вечерами рассказывал отцу, как спасал ребят от угона в Германию. То открывает незаметно ворота лагеря: «Идите, куда глаза глядят», то напоит конвоиров до бесчувствия и по дороге к вокзалу скомандует всей колонне разбежаться... Много людей они тогда уберегли...»

Где изменяла удача, Шурик брал дерзостью. Както, набив портфель гранатами и автоматными дисками (даже дно от тяжести треснуло, пришлось ремнем перевязать), ехал он на велосипеде на явку. Так нет, чтоб стороной, сунулся напрямик, через Цепной мост, прямо в руки немецкому патрулю. Была облава, повальные обыски и проверки документов. Уперлось в грудь дуло «шмайсера», но шепнул Козловский гитлеровцу, что сам служит в полиции, и патрульные расплылись: «Гут, гут».

Отец потом спросил, что делал бы, если бы заставили показать портфель. «Очень просто. Сразу гранату под ноги — и его, и себя». Но обошлось.

Увы, той гранате еще суждено было взорваться. Коротка предыстория первого провала. Козловскому поручили провести за линию фронта двух военно-

В. ЗАБАВГА.
В ГОДЫ ОККУПАЦИИ.

Е. ГОРОВЫХ. ПАРТИЗАНЫ. РЕДЬСОВАЯ ВОЙНА.

«Север». Готовился второй штурм Ленинграда. Порядок и секретность в районе обеспечивали, кроме специальной охранной дивизии и тайной полевой полиции, еще и контрразведывательная группа абвера, и команда зондерштаба «Р» («особый штаб Россия»). Город был напшигован жандармерией и агентами-provokatorami.

Но ни идеального порядка, ни секретности добиться коменданту Острова Карлу Зессе не удавалось.

Выведен из строя узел армейской связи... Пожар в здании школы № 1, где разместилась крупная полицейская часть... Взорвана трансформаторная будка на лесопильном заводе — город на пять суток остался без электроэнергии... Советская авиация разбомбила нефтебазу. Данные поступили из города Острова... Все новые тревожные сводки ложились на стол коменданта, наводя на мысль о многочисленных диверсантах-парашютистах.

Но их не было. Еще только готовились в разведотделе штаба Северо-Западного фронта группы наших разведчиков и радистов, а комсомольцы-подпольщики уже сражались, как умели. Лишь позже была установлена связь с партийным подпольем, партизанами.

Как умели... Неразумная храбрость или уверенность в собственных силах, вера в правоту дела?

...В детстве они прыгали на коньках через проруби на реке Великой, по почти отвесной, десятиметровой крепостной стене, присыпанной снегом, что возле церкви Николая Чудотворца, спускались на лед на лыжах, на лошадях скакали не хуже пограничников.

пленных и девушку-подпольщицу, передать на Большую землю чистые бланки немецких документов, схемы укреплений города.

Известно, что километрах в трехстах от Острова, уже под Демянском, они попали в засаду так называемого ЕКО (европейского карательного отряда), куда набирали законченных подонков и головорезов, давно предавших Родину.

Отстреливались, пытались оторваться. Когда девушка погибла, а военнопленных схватили, Шурик понял, что должен уничтожить бумаги. Возможно, задержка эта и стала роковой. Те, с немецкими автоматами, были уже рядом, и тогда он выдернул кольцо у гранаты, отпустил скобу и разжал пальцы...

Через несколько дней гестаповцы взяли пятерых, в том числе и родителей Козловского. А первой оказалась Клава.

Широкие были окна в той тюрьме, и решетки такие, что руку просунешь. Забравшись на подоконник, Клава кидала хлеб птицам и улыбалась через силу, глядя, как дерутся они из-за скудных крошек. Часовой на углу прикладывался к подаренной бутылке с самогоном, а под окном стоял Лева Судаков, кусая до крови губы.

— Ты выдержишь, мы попробуем...
— Не надо, Левушка, только ребят зря погубим. Она по-прежнему оставалась руководителем группы и отвечала за ее судьбу. Она понимала, как тяжело сейчас парню, ведь давно любит ее, еще со школы.
— Клава, да я...

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

— От Сашиних стихов, как от вина молодого, голову кружит, — сказала она, — а от Лениных в сон бросает. Только, если выбирать, за кого замуж идти, надо за Ленью, надежный.

— Смешная ты, мама, — сказала Руся, — у нас в школе самый надежный — директор, Петр Васильевич Довгань, куда уж не денется. Может, за него замуж пойти? ... На беду был, видно, помянут Петр Васильевич ни к селу ни к городу. Разумный же человек, а проговорился в учительской насчет школьных Моцарта и Сальери. И кличка эта проשמгнута в класс. Шепоток-шепоток, а там, глядишь, и ярлык.

Может быть, и беззлобно, шутки глупой ради, туповатый дылда, по прозвищу Полтора Ивана, спросил Ленью на перемене:

— Ну, как, Сальери, готовишь яд для Моцарта?
У Лени хватало выдержки, пожав плечами, ответить. Но Саша, выкрикнув «гад», со всего размаху двинул Полтора Ивана по скуле. Тут-то наш сылч озверел. От сокрушительного удара Саша свалился, как тельенок под охухом, и грохнулся головой о пол. И отлетел к доске, согнувшись в три погибели, Леня, бросившийся на помощь другу.

Мы с Русей беседовали в коридоре, о чем уж не помню. Вбежали в класс на шум. Полтора Ивана, поглядывая на свои кулаки-кувалды, пробормотал:

— Шутки не петруют, руками волю дают, слабаки... Давить таких! Саша лежал на полу, не в силах подняться. Руся упала перед ним на колени. Увидев слабую Сашину улыбку, стала целовать его в лоб, в нос, в губы... Историю с дракой я замал. Мало ли в школе драк? Да и требовала эта история деликатного молчания, а не принародного обсуждения.

По видимости, все в классе оставалось по-прежнему. Не мстить же дуралому Полтора Ивана? Да и он хоть и ухмылялся ехидно, поглядывая на Сашу и Ленью, но держал язык за зубами. Русины поцелуи? Все понимали: не для шуток-подначек.

Саша с Леней продолжали ходить к Русе вместе, неразлучно. Леня хмуρο похваливал Сашины стихи, справедливо замечая, однако, что над ними надо еще работать и работать. Саша восхищался тем, как ловко Леня имитирует теперь уже блока. Руся продолжала тетрадь «Весна вдвоем».

...Окончание школы совпало для Руси, Саши и Лени с началом войны. С первых дней мобилизации осталось без полного комплекта рабочих рук главное предприятие городка, работавшее на фронт, — железнодорожные мастерские. Туда и пошла слесарничать и токарничать мои бывшие ученики.

Эшелоны шли на фронт, ненадолго задерживаясь у станции нашего городка. Но, увы, и фронт стремительно приближался навстречу. «Юнкерсы» и «хейнкели» гудели в небе. Первые бомбы взорвались в привокзальном сквере, на кладбище, в школьном дворе... Через щель в приоткрытой двери воинской теплушки увидел я промелькнувшие в дыму и пыли серыми бабочками дома городка... На том и оборвалась прощание.

...Городок был захвачен немцами с ходу в июле сорок первого, освобожден нами только осенью сорок третьего. К тому времени я стал фронтовым журналистом. Весь день, от полудня до темноты, бродил я меж дымящихся развалин (отступающие гитлеровцы осуществляли «тактику выжженной земли»). Разстоял у бывшей школы, черневшей обнаженными печами под мелким дождем, у скригучей калитки сада Прасковий Семеновны, за которой печалились обугленные стволы яблонь и вишен, у груд искореженного металла и камня — бывших железнодорожных мастерских. Нет, не встретил я в опустевшем городке никого, кто показался бы мне мало-мальски знакомым.

Только через день, уже не в городке, а в одном из окрестных сел, где армейские политработники вели беседы с новым пополнением — местными мужиками и прикамаками вдовьих баб, так или этак пересидевшими оккупацию в своих ли, чужих ли хатах, я вдруг наткнулся на дылду Полтора Ивана.

Он сделал вид, что не узнал меня, отвернулся, но я-то обознаться не мог.
— Полтора Ивана, Кобытченко!
— А чего? — отозвался он неохотно. — Не по своей воле остался. В полицию не пошел. Еще свое отвоюю.

— Отвоюешь, — сказал я. — И не моя задача тебя проверять. Но, может, о своих бывших товарищах расскажешь? Неужели ни о ком ничего не знаешь?

Полтора Ивана пожевал губами. Спросил с вялой ехидней:
— Про этих хотите, про Моцарта и Сальери ваших?
— Про них, про Русю...
— Про нее не знаю. А эти... — Полтора Ивана пожал плечами. — У Бойко, сказывали, батько бандгой ране был. Леняка по той же дорожке пошел, в полицию. А Сашка сховался, не нашли его. А потом, слышал, все же таки ликвидировали. Леняка и выдал, надо думать. — Тут Полтора Ивана ухмыльнулся. — Почти что по Пушкину получилось, только заместо яду...
— Нет, не хотел, не мог я в это поверить. И выкрикнул:
— Брешешь!

— А чего мне брехать? — спокойно и угрюмо проговорил Полтора Ивана. — Я теперь, товарищ калитан, боец Советской Армии, вот и майор из политотдела так объяснил. А если директора нашего, Петра Васильевича, встретите, его спросите. Слышно было, партизанами командует. У него свои люди в городе...
Полтора Ивана обдернул коротковатую, узковатую в плечах, выцветшую гимнастерку и зашагал прочь, не оглядываясь.

Не встретил я Петра Васильевича, с год уже не было его в живых. Погиб. Никого знакомого больше не встретил. Стремительно катилась на запад война. Навсегда

остался позади городок. Навсегда легли тяжким камнем на душу слова Полтора Ивана. Ох, сколько таких тяжелых камней на душе! Так ведь живешь не воспоминаниями, а делами.

...Вскрывая бандероль, я не думал о прошлом: обыкновенная бандероль среди десятка других. Удивился, правда, обнаружив в ней большой конверт, склеенный из грубой оберточной бумаги, конверт в серых и зеленоватых пятнах, пахнущий сыростью и плесенью, распознанный на сгибах, обнаживший уголок тетради в бурой клеенчатой обложке. На конверте бледно, расплывшимися чернилами были написаны мои имя-отчество и фамилия.

Поверх конверта лежала новенькая открытка с видом города, который я не узнал — в солнечных бликах застекленные цеха какого-то завода среди густой зелени. На обратной стороне открытки — несколько слов четким мужским почерком: «...при закладке нового цеха завода, который Вы видите на снимке, а он на том месте, где когда-то были железнодорожные мастерские, в котловане, что рыли под фундамент, обнаружили конверт, адресованный Вам. У меня есть Ваши книги. Адрес Ваш узнал через издательство. Меня, конечно, не помните. Когда Вы были учителем в нашей школе, я учился только в пятом классе. Бригадир строителей Л. Ткачук».

Вот тут-то... Вот тут-то и дрогнуло сердце. Я надорвал конверт, и в руках моих оказалась та самая буро-коричневая Русина тетрадь «Весна вдвоем». Я перелистал пожелтевшие, покоробившиеся, склеившиеся страницы, почти неразличимые, только угадываемые обрывки стихотворных строк. И в памяти, как отдаленное эхо, глухо прозвучал голос Полтора Ивана: «По Пушкину, только заместо яду...»

А пальцы мои нащупали между клеенчатой обложкой и первым, тоже еще обложечным коричневым в узорах листком плотный треугольничек (так складывались при отсутствии конвертов письма военных лет). Да, это было Русину письмо. И оттого ли, что прилегало оно плотно к обложке, или оттого, что было аккуратно сложено, письмо мало пострадало от сырости и времени.

«...Пишу Вам, хоть и не знаю, где Вы и живы ли, но хочу верить, что живы, и вернетесь в наш город, может, даже завтра, только чувствую сердце, меня в живых Вы уже не застанете. Пишу Вам, хоть и не знаю, каким чудом дойдет до Вас мое письмо и та «Весна вдвоем», которую мы хотели увидеть книжкой. А не дойдет до Вас письмо, может, кто другой, добрая душа, когда-нибудь прочтет и расскажет людям про наших Моцарта и Сальери. А никто не прочтет, так хоть выговорюсь.

Пишу Вам в конторке цеха. Ночь на дворе и дождь. А светло: город страшно горит. Немцы жгут. Окна в цехе красные и дымные, и будто жаром от них несет. А мастерские пока целы, и ни одного фашиста здесь нет. Саша считает: заложил где-то в подвалах они взрывчатку, провода тайно протянули к штабу своему (а штаб в нашей школе) и напоследок рванут. Сейчас не очень разрывы снарядов слышны, далеко еще бой... Как мы, какими глазами в цех пробрались, писать не буду, долго объяснять и незачем. Уйти нам нельзя: на улицах патрули всех без разбора стреляют. Да и не хотим уходить. До взрывчатки, если в подвалах она, нам не добраться. Двери и подвалы железными листами обиты, мало что заперт, гвоздями заколочены. Но ребята провода ищут, пока не нашли... А может, и нет взрывчатки, нет проводов. Придут поджигатели, мы их пулями встретим — пять винтовок, два пистолета трофейных. Семеро нас из «Паруса». «Парусом» мы подпольную нашу организацию называли. И память, и конспирация.

В сорок первом, когда наши отступали, райком подпольный приказал Лене к немцам идти «служить». Сказали ему: твой батько из куркулей, бандитствовал, в городе про то многие слышали, тебе поверят. Поверили, взяли переводчиком в комендатуру. Леня слух и пустил, будто липовый друг его Сашко Башевский, комсомольский секретарь, которого он тайно смертно ненавидел, с Советской Армией ушел.

А Саша уйти не успел. Думаю, и не захотел уйти — меня оставить. Саша из общешкольного мастерских, где жил, ко мне перебрался. Может, кто из наших учеников бывших и знал, что не ушел Саша, может, и догадывался, что он у меня. Только мы верили, что предателя среди нас нет.

Саша днем сидел в подполе. Там мы и радиоприемник прятали. Слушали Москву, листовки писали. Утром, идя в мастерские, я листовки разбрасывала. Леня ко мне приходил, когда хотел. Иногда и ночевать оставался. Невестой его считалась или любовницей. Немцев в наш дом не селили — на отшибе, помните, наш дом, лес недалеко — боались.

Как работали в мастерских? Какая польза от Лениной службы у немцев была? Про то лучше бы рассказали буксы, что у паровозов горели, да эшелоны, что партизаны подрывали.

Лениной невестой я считалась, а Сашиней женой была. Невенчанной, нерегистрированной, так это разве важно? И мама перед смертью благословила.

Не для войны было у мамы сердце. В апреле сорок второго схоронили мы ее втроем в саду под яблоней. Зацветала уже яблоня.

Простите, и это не главное. И не мама, и не то, что я Сашу любила и люблю, хоть в этой любви моя вина такая, что только смертью сплещется. В тот же год, август на исходе был, под вечер сидели мы с Леней у открытого окна. Я — на подоконнике бочком, Леня — на скамеечке, руку мою в своих руках держал. И так на меня Леня смотрел, что, ох, как жалко его было. Война, оккупация, а он от любви страдал. Ну, а что я могла сделать? Что? При Саше Леня держался строго, будто броню надевал.

А тут конский топот послышался, да мы значения не придали, мало ли кто там мимо... А беда-то, что гром в чистом небе. Калитка — настужь. И на галопе один за другим полицаны.

Леня в комнату через окно впрыгнул, Сашку в подпол пихнул, я слышала. А полицаны уже под окном. Добрые их кони — на дыбки. И первый полицай, усатый, мордастый, прямо с ходу:

— Где тут секретарь подпольный ховается, фамилие... Та не помню фамилие, прозвание его Моцарт?

Сердце у меня упало. «Моцарт» — значит, кто-то из своих школьных предал. Кто?.. Крикнула:

— Дурни, какой вам Моцарт? Моцарт уже сто лет как помер.

А второй полицай, лицо рябое, бабье:

— Брось, девка, шутки шутить. И мы не лаптем щи хлебали. Давай этого, как там... Найдем сами твоего Моцарта, обоих тогда кончим.

Накачались, видно, самогоном полицаны, крови захотелось. Шмайсеры в упор на меня устали.

— С ума посходили! — ору я. — Боже ты мой, где я вам Моцарта возьму! Ехали бы своей дорогой!

Тут первый полицай и пустил очередь поверх моей головы, по стеклам — дзынь-дзынь.

И Леня вышел к окну.

— Гляди, чернявый, вот он, ну, молодец Моцарт, — засмеялся тот, что с рябым бабым лицом.

— Нет, нет! — выкрикнула я.

— А хто? — спросил усатый.

— Ну и что, если Моцарт? — спокойно спросил Леня.

И я промолчала. Судите, как хотите по совести, а промолчала...

— Моцарт? — аж захлебывался, хохотал рябой.

— Моцарт! — подтердил, усмехнувшись, Леня. Повернулся ко мне и сказал как-то странно, может быть, грустно и все-таки... все-таки, простите, мне показалось, будто удовлетворенно, будто гордо, будто сбылась его тайная мечта: — Это ведь прекрасно умереть Моцартом...

И тут я поняла, в чем его шанс на спасение.

— Ведите, ведите его в комендатуру, раз он Моцарт!

— Нехай хоч Пушкин, — мрачно сказал усатый, нажал на спусковой крючок шмайсера. И целой очередью...

Я и крикнуть не могла. Как кость у меня крик в горле. И вся я закаменела. А полицаны ускакали.

Ну вот, главное и сказано... Прощайте. Живите долго Руся».

Военная
повесть «Смена»
**ВОЙНА. ПОБЕДА.
КОМСОМОЛ.**
Глава
четвертая

Подвиг тыла. Подвиг, не уступавший ратному. Тыл работал по двадцать четыре часа в сутки. За два года делалось столько, сколько в довоенное время за десять лет. Иначе было нельзя. Фронт не мог ждать. И накал работы был поистине фронтовым. Они рано взрослели, мальчишки и девочки военных лет, заменившие отцов в цехах у станков, на полях. Не только оружие, хлеб и одежду давал тыл фронту. Письма от матерей, жен и любимых, полные веры и надежды, придавали силы фронтовикам. Сколько потребовалось мужества, таланта, силы духа и выносливости труженикам тыла, чтобы справиться со своей труднейшей задачей. Подвиг ратный, подвиг трудовой — вечная слава нашей страны.

А. КНИЗЕВ. ГВАРДЕЕЦ ТРУДА.

РЯДОВЫЕ ТЫЛА

Ремесленникам
40-х годов —
безвестным
героям
трудового фронта

ГДЕ НАШИ?

В одной из командировок я ехал в троллейбусе по городу Саратову. И вдруг издали начал выростать Як — легендарный истребитель Великой Отечественной. Он взлетал мне навстречу... Что-то дрогнуло во мне, закрутилось, и слова: «Где наши?» — взорвали память...

У каждого из нас есть день, который невозможно забыть...

22 июня 1941 года.

Мы закончили первый класс, и нам обещали экскурсию в Карпаты. С вечера мы разглядывали небо и боялись: а вдруг дождь. Когда в тысячи детских снов ворвался грохот, просыпаясь, мы думали о раскатах грома, вместе с дождем несущих земле радость и плодородие. До конца дней своих не забуду распахнутую синь за окном и белый крест на борту пикирующего бомбардировщика. И весь день я слышал отчаяние в голосе каждого: «Где наши?»

Что знали о войне мы, первоклассни-

В. СИБИРСКИЙ.
ТРУД ФРОНТУ.

ки? Что видели? Разве что кулачки испанских детей, антифашистским движением «Рот фронт» приветствовавших нашу страну.

Как объяснить, что такое война? Как передать свои ощущения? На пограничный городок обрушились Снаряды, Бомбы, Кровь, Страх... Где найти самого себя, раздавленного всенародной бедой?

Мимо моих окон медленно ползли грузовики, а в них красноармейцы, охранявшие самолеты. Белые бинты, красные пятна крови... Там, на аэродроме, согласно песне, давно выученной нами: «Если завтра война, если завтра в поход, если черная сила нагрянет...» — изготовилась авиационная бригада. И мы, дети военных летчиков, видя черные самолеты, закрывшие небо, сжимали кулаки, кричали вместе со всеми: «Где наши?»

Пройдет много лет, и я прочитаю: «В первой половине дня 22 июня на наших аэродромах уничтожено 1250 самолетов».

Тогда мы кричали: «Где наши?» А они уже были мертвы... И люди, и самолеты.

Прикрываю глаза, в памяти пылает зарево нефтяных промыслов, дома, оседающие под бомбами, раненые в нашем дворе... Они были последними. И уже некому прикрывать нас от ночного десанта самой страшной ночи 24 июня 1941 года.

Память возвращает слова комиссара авиационной бригады, унесенные мной с вокзала: «Всем, чем есть, заложите детей, в середину детей. Спасайте детей!»

Ночная бомбежка. Их много было на долгом-долгом пути. Нас никто не мог спасти от них. Обезумевшие матери хватили нас и тащили в темные поля. Стоит задуматься, и ослепительные свечи вспыхивают над пропастью моего детства. Осветительные бомбы, сброшенные с самолетов, повисали на парашютах и освещали всех нас. Там, наверху, они боялись: фугасные бомбы, заготовленные впрок, не попадут в меня.

Сколько лет прошло, а все не могу забыть последнюю бомбежку, разметавшую наш эшелон. И все думаю о вас, мои одноклассники. Где вы? Живы, как я? Или, в ту ночь разорванные в клочья, каждой весной всходите красными маками на скорбных полях Прикарпатья?..

В Сталинграде нас, первых беженцев той войны, встречали цветами. Накормленные, утешенные, мы плыли на бе-

С. УРАНОВА.
МЕДСАНБАТ.

лом пароходе в Саратов. Зеленый пригорок. Пристань. Какой-то мальчишка в форме ремесленника с молоточками в петлицах протянул руки, подхватил меня и поставил на берег...

Прошло сорок четыре года. Круг замкнулся. Я снова в Саратове. Где найти тебя, мальчик из 1941 года?

ТРУДНО БЫЛО ВСЕМ

Тогда нас везли на восток. Там, в затемненных просторах, Родина ждала нас, чтобы прикрыть своими крыльями. А в небо, торопясь защитить нас, уже взлетал истребитель, изготовленный здесь, в Саратове, на этом заводе. Он еще над землей. Ему еще надо развернуться на запад и ринуться в черную тучу с белыми крестами, посылавшую смерть всем нам.

«Где наши?» — Этот крик отчаяния слышали на Саратовском заводе комбайнов, который начал делать самолеты.

Декабрь 1941 года... Митинг голосует единогласно: «Дать на защиту Москвы полк истребителей сверх плана».

Вдумайтесь в эти слова: сверх плана. Они сказаны в те дни, когда фронт неумолимо забирал людей. Один за одним уходили кадровые рабочие.

Пройдет много лет, и директор завода генерал-майор И. С. Левин напишет в своей книге: «Ушли самые квалифицированные рабочие. Самолеты делал коллектив, состоящий из женщин (54,5%) и подростков и молодежи (45,5%). Завод изменил свой облик. Могло показаться, что мы попали в детский сад. Совсем юные. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет. Худые, узкогрудые девчонки и мальчишки. Очень многие работают на станках, изготовив себе подставки. Лица серьезные, напряженные. С большим усилием они переводят рычаги установок, зажимают детали в тисках или держат в детских, неокрепших руках пневматический молоток, большой рубанок. Дети... Совсем дети. Им бы впору испытывать радости беззаботного детства, видеть ласки отца, матери, сидеть в школе за ученической партой. Сегодня они бойцы трудового фронта — строители боевых истребителей. Для каждого установлен план, норма времени. «Не выполнил задание, не имеешь права уйти домой!»

В те дни завод принял пять с половиной тысяч новых рабочих: учащиеся ремесленных училищ, воспитанники детских домов, ребята, потерявшие свои семьи... Рабочих не хватало. ЦК ВКП(б) обязал Главное управление трудовых резервов направить на саратовский завод еще тысячу учащихся ремесленных училищ.

В те дни состоялась заседание заводского комитета комсомола. В повестке дня один вопрос: дети! Страна отступала на восток, теряя их на каждой станции. Эшелоны шли без расписания, увозя в тыл заводы, оборудование и людей. На остановках — внезапных, затяжных и мгновенных — все время терялись дети... Маленькие и большие, они сбивались в стаи, дичали...

Лютая зима сорок второго загнала их в траншею, где проложены трубы ТЭЦ, снабжавшей завод горячей водой. Они спали, прижавшись к теплоте металлу, и, наверное, им снился дом. В первом рейде комсомольцы подобрали сорок два человека, потом еще пятьдесят.

Член комитета комсомола Люба Иванова освобождена от всех дел и назначена начальником детдома. Она только охнула: «Ребята, за что?» А ей ответили: «Ты самая заботливая среди нас». Теперь ей, молодой, еще не имеющей своих, приводили детей войны.

«Мы с большим трудом образили их...» Сохраним это слово, сказанное Ивановой сегодня. «Образили» — значит вернули детям человеческий образ. Голодные, замерзшие, обшившиеся, они вырывались из рук, искали маму и свой дом.

В самые трудные для страны дни партком завода в ряду государственно важных вопросов отдельным пунктом рассмотрел этот вопрос. Комитету комсомола предложена программа, где сухие слова отдают заботой: найдите, отремонтируйте, расселите, накормите, доложите.

Комсомольцы восстановили старую дачу, и сто детей стали детьми завода. Их надо кормить. Они пришли на завод рабочими, чтобы получить хлебные карточки. Их надо одеть и обути.

В те дни было трудно всем. Но комсомольцам надо еще найти в себе частицу тепла и отдать ее детям войны. Они стояли у станков, маленькие и замерзшие. Им несли фуфайки, варежки, носки, белье, по-братски снимая с себя. Через много лет их назовут «дети завода». А тогда их мать — начальник детдома Люба Иванова шла по цехам, получая за них зарплату, отрывая талоны на питание от их карточек, говорила с начальниками цехов, а после подходила к станкам и гладила их по головам... Ее, в кожаной куртке и красной косынке, молодую мать ста детей, знали все.

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ФРОНТА?

Дети войны входили на завод, услышав главный вопрос того времени: «Что ты сделал для фронта?» Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Некоторые цеха перешли на казарменное положение. Завод стал домом.

Война не требовала, но диктовала, война ставила ультиматум: или Мы, или ОНИ.

Давайте открестимся от возможностей современного производства и вспомним о времени, когда завод строил истребители. Як-1 состоял из 12 тысяч деталей. Детей нет, есть рабочие. Рабочие поставлены перед задачей не только их освоить, но и сделать этих деталей больше. Больше. Больше! Больше!

В закон военного времени введено сменное задание. Сменное задание — это твой удар по врагу. И лозунг, великий лозунг того времени: «Враг будет разбит, победа будет за нами» — определял силу наступления каждого. Каждый, кто делал самолеты для фронта. Самолеты делал завод. Значит, все.

18 апреля бывший беспризорник слесарь М. Шувалов выполнил сменное задание на 1477 процентов.

9 июня 1942 года комсомолец Петр Трофимов начал работать на двух шлифовальных станках. На полную обработку детали давалось 74 минуты. Он изменил режим, резко увеличив скорость, и добился использования всей мощности станков. Газета тех дней писала: «Он работал за себя и товарища, сражающегося на фронте».

В годовщину войны 22 июня редакция заводской газеты обратилась к вопросу к молодежи: «Чем ты помог фронту?»

«Довел выработку до 10 норм комсомолец Давыдов».

«Победа Марии Синячкиной! 7 июля револьверщица выполнила месячную норму!»

«Две! Три! Пять! Семь! Десять! Пятнадцать! Шестнадцать ежедневных норм выполнил тысячник Владимир Зеленин. Он ничего не хотел себе, он думал о вас, юные современники 80-х годов».

На заводе было 17 комсомольцев, которые, сражаясь с врагом, выполняли сменные задания выше 1000 процентов.

Слесарь Николай Романец совершил невозможное — 2181 процент.

Задумайтесь на секунду: один работает за двадцать воюющих на фронте! Это не укладывается в голове, это противоречит всем возможностям человеческого!

Мы не можем допустить мысли, что сменное задание было низким, — жесткие требования войны исключали это. Комсомол формирует бригады имени

героев войны. Первая молодежно-комсомольская бригада имени капитана Гастелло... Вторая молодежно-комсомольская бригада имени Лизы Чайкиной.

Две тысячи ремесленников готовились в заводском училище. Завтра они будут делать самолеты, а сегодня они помогают фронту. В училище привозили три тонны литья и в конце учебного дня увозили готовые детали. Корпуса для ручных гранат и мин, взрыватели. Ножи. Финки. Зажигальные свечи для «катуш». Учебная продукция шла на фронт. Работу мальчишек принимали военпреды.

В цехах стояло по два репродуктора, и любое сообщение с фронта заставляло замирать всех. И все, не отходя от своих мест, кричали: «Громче! Громче!»

В цехах зачитывали телеграмму: «Мы высоко ценим продукцию вашего завода, испытанную в боях с ненавистным германским фашизмом. Герой Советского Союза Чистяков».

Лютая зима 1942 года. Эмульсия на станках подернулась льдом. Правая рука — на роторе, левая — в ледяной эмульсии.

Еще хуже тем, кто работал на аэродроме. Здесь, завершая сдачу боевых самолетов, оставались на морозе по восемнадцать часов, работая по принципу: ты рабочий, ты контролер, ты приемщик. Отсюда самолеты поднимались в воздух с полным запасом вооружения и на пути вступали в воздушные бои.

НА ЗАВОДЕ С 1941 ГОДА!

Умер... Умер... На пенсии. Работает! Работает! Работает! Такие слова нельзя повторять бесстрастно.

Мы с Василием Александровичем Волковским, председателем совета ветеранов завода, перелистываем Книгу почета, отыскивая тех, кто пришел на завод из ремесленных училищ в 1941 году. Кто был выпущен прямо к станку. Тех, кого фронт не принял по малолетству, но этот же фронт, названный тылом, принял безоговорочно...

Работают на заводе с 1941 года... Шеянов Александр Иванович, Ойкин Николай Иванович, Новиков Александр Михайлович, Гурьев Анатолий Васильевич, Бобков Михаил Павлович, Хлебников Михаил Федорович...

Услышав уже знакомую фамилию, я спросил: «Это его бригада возглавляет Вахту Памяти?» Волковский ответил: «Нет. Там бригадиром его сын Володя».

Василий Александрович задумывается, а потом решительно говорит: «Давайте соберем мастеров, тех, кто учил ребят в ремесленном и до сих пор работает в ПТУ — главной кузнице наших кадров. И еще... — он позволяет себе улыбнуться, — соберем заседание комитета комсомола образца 1941—1945 годов».

Из уст старых мастеров производственного обучения, отправивших в РАБОЧИЙ КЛАСС десятки тысяч воспитанников, я слышал слова искреннего восхищения. Не год, не два прошло — больше сорока лет. И всякое они выдали на своем веку, но жизнь не выветрила из их памяти фамилии, слова, поступки. И они трепетно несут в себе благодарную память о полугодных бледнолицых ремесленниках, маленьких ребятах, осознавших размеры всенародной беды. И честно, по-русски добросовестно, своими руками делавших САМОЛЕТЫ!

Мастера ничего не забыли. В каком году после окончания войны появилось понятие сверхурочная? Мальчишки, пришедшие на завод из училищ, не знали слов: отпуск, выходной день. Их детство и юность — короткое, как приказ, и жесткое слово-выстрел, главное слово — НАДО! Это слово формировало их жизнь и их судьбу.

Мы всегда будем славить Героев фронта. Им было очень тяжело, но им все отдавала страна. И тыл потому и называется тылом, что сзади никого нет. И планы фашистов потерпели крах,

так же как и вся доктрина первого удара, потому что тыл был как фронт. И потому навечно равны те, кто под пулями освобождал родную землю, и те, кто в лютой мороз шел на завод и дыханием своим, ослабевшими руками согрел части самолетов. Или отдавал деньги фронту. Или снимал с себя рубаху, отсылая ее солдату...

Мы обязаны помнить об удивительном поколении мальчишек рабочего призыва 1941 года. Мы обязаны помнить об удивительных людях, суть которых сформировали Война и Труд. Изо дня в день, из ночи в ночь, из года в год, без громких слов, без лишних фраз они становились к своим станкам, не считая себя героями, и точили свои детальки, зашифрованные под номерки, никому и никогда не признаваясь вслух, что это они КУЮТ оружие для нашей победы.

ЕСЛИ СОВЕСТЬ ТВОЯ...

А кто-то грустно сказал: «Наши воспоминания — это слова из песни: «Было детство, детство и война...»

Время суровое и героическое разметало по нашей земле людей и судьбы. Но люди, с которыми посчастливилось говорить, как могли, собрали портрет ремесленника тех лет, каким мы никогда не перестанем гордиться.

Их память хранит имена, фамилии, дела.

«А помните Васю Немоляева? Работает, пока не уснет. Спит мальчишка. И будить его жалко. Подойдешь, тронешь за плечо: «Вставай, Вася, вставай, милый». Вскочит, протрет глаза: «Бегу, мастер, бегу».

«А помните Веню Русина? Ах, какие же руки были у Вени! Ведь никто на заводе не мог сделать то, что могли его золотые руки. Единственный, кто мог сделать десятки операций, даме таких, когда самолет собран и, чтобы исправить дефект, надо все разобрать заново. А ведь он изловчился, подлазил...»

«А помните Сергея и операцию № 16? Ах, как же Серегина фамилия?.. В бою, когда отказывала пневматика, перебитая вражеской пулей, можно сделать ручную перезарядку пушки. Для этого пропускаться через нее трехмиллиметровый тросик, а с другой стороны распускать кончик и влеталась миллиметровый шарик (по-заводскому «головка змеи»). Делал это один Серега. Такой бывало только один. И работал он на износ. Не выдержал напряжения и тяжело заболел. Температура 40! Четырнадцать девчат — «кружевниц» с самыми тонкими, чуткими пальцами приводили в цех, но никто не мог сделать эту работу. А самолеты стоят, пушки ждут... Послали за ним машину. Привезли на носилках. Поставили на конвейер. Рядом встала его мать с полотенцем, платеч, пот с его лба вытирает. А Серега лежит бледный-бледный и плетет, плетет. Ах, Серега, Серега, как же твоя фамилия?»

Для лучших, тех, кто перевыполнил сменное задание, была награда — УДП — Усиленное Дополнительное Питание. У многих я спрашивал, что это, и ответы были разные. 100 граммов хлеба и котлетка. 100 граммов хлеба и тарелка пшенной каши. Но каждый из мужчин, вспоминая о том, всегда добавлял: «Как же это было необходимо!»

Маша Котова, теперь Мария Васильевна Коротаева, тоже пришла из ремесленного на завод в 1941 году. Всю войну пешком она ходила на завод — семь километров туда, семь — обратно. И сегодня продолжает работать. А сейчас она смотрит на меня, ждет вопроса, а сама гладит по головке внука. И пальцы ее, опухшие, словно распухшие, словно война безжалостно отстучала по ним — Мария Васильевна пневмомолотком расклепывала заклепки. «Что я помню? Отработку, залезу в фюзеляж и сплю. Сделаю хорошо, получу УДП. Кашку съем, а хлебушек несущу домой — младшим. Их там трое».

Помните слова мужчины о нужных ста граммах стахановского хлеба? И

только Мария Васильевна, женщина, еще понимала: хлеб, заработанный в ударном труде, надо отдать тем, кому еще жить и жить. Сегодня. Рядом с нами.

Семнадцатилетним пришел на завод ремесленник Миша Бобков. Сам не доучился, и тут же война дала ему восемь таких же, чуть младше. И вывел он их на уровень, позволяющий называться фронтовой бригадой. А значит, жить и работать по-фронтовому. Как солдаты спали в окопах, так и комсомолец Бобков неделями не уходил домой, вырабатывая 1300 процентов дневной нормы. Фронт забрал его ребят, и они ушли, оставив бригадира в тылу. Они вернулись с войны живыми, здоровыми, а он, возвращаясь после бессонных ночей, сорвался с подножки трамвая и остался без обеих ног, ампутированных выше коленей.

Мишу Бобкова жалели и учили на сапожника. А выучив, стали учить, как оформлять заказы без квитанции... Только руки Бобкова, привыкшие к верстаку, не слушались его. И тогда его начали учить на часовщика. Только руки его, привыкшие к тяжести молотка, дрожали, и сыпались из них винтики и пружинчики. И тогда приковылял он к проходной, подкараулил директора и уговорил взять обратно на завод. И товарищи по цеху сделали вид, что ничего не изменилось, и все пытались ему помочь, чтобы поудобней было работать слесарю Бобкову.

Да, мы знаем летчика Маресьева. Да, мы знаем комбайнера Картаузова. Но, пожалуйста, запомните, рядом с ними трудится слесарь высокой квалификации Михаил Федорович Бобков.

Я пришел в его дом. Я уже знал, что Лариса Дмитриевна стала его женой за три месяца до того дня. И все годы рядом. У них двое детей. Старший сын — доцент на кафедре математики. Растут три внуки. Вернувшись на завод, Бобков вступил в партию. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Все знаю и не могу начать разговор. Сажу рядом с Михаилом Федоровичем и вижу, как двумя руками он разгибает механические колени протезов. Вижу и не могу задать ни одного вопроса. Потому что знаю: пришел он с работы, ждал меня и протезы не отстегнул. Сидит, а ему тяжело, отстоял он на них восьмичасовой рабочий день. И завтра так же их пристегнет и уйдет на свой завод. Он ходит туда сорок четыре года.

Низкий поклон Вам, Михаил Федорович, низкий поклон Вам и рабочему классу, год призыва 1941-й!

Я БУДУ СТРОИТЬ САМОЛЕТЫ

Так сказал один мальчик и уговорил мать отвести его на завод. С ней не хотели разговаривать. И снова он тянул ее за руку, и снова им отказали. И тогда мать взмолилась: «Хоть меня пожалеете, он не хочет уходить с завода». С матери взяли подписку. С 20 января 1943 года, когда мальчику было двенадцать с половиной лет, он начал отсчитывать трудовой стаж. Добровольно. Он оставил четвертый класс и через месяц ученичества стал собирать приборные доски на лучшем истребителе той войны — Як-3.

Нет, его никто не заставлял, просто мастер говорил: «Постарайся». И этих слов можно было не говорить. Те рабочие, без которых нельзя строить самолеты, кого завод не отпустил на фронт и оставил по броне, не думали о себе. Их жизнь и здоровье принадлежали фронту. И они умирали на заводе, как погибли на фронте. И первая смерть, которую увидел мальчик, была смерть в кабине еще не оконченного истребителя... Как на боевом посту.

И мальчик трудился, как все. А мальчику еще надо отоварить рабочую карточку, его рабочий день, как у всех, двенадцать часов. До работы успеть на

базар — продать положенный сахар, купить буханку белого хлеба и отнести в больницу отцу. И все это сделать до полдевятого. Опроздание на двадцать одну минуту каралось по законам военного времени... Не с той ли поры нет для него ни главного, ни второстепенного? Главное — за все, за что ты отвечаешь, нельзя отвечать второстепенно.

У Як-3 возле хвостового оперения был лочок, куда надо залезть, чтобы надеть два амортизатора. Однажды туда протиснулся взрослый, а вылезти не смог, и пришлось расшивать всю обшивку. Пришел день, и мальчик стал незаменим. Когда его бригада перевыполняла план, прямо в цеху, на рабочих местах, развешивали колоб. Что такое колоб? Может, слышали — жмых? И тогда мальчик не ел, а нес его домой... Мать распаривала в горячей воде и делала лепешки.

Его первая награда — валенки! Вторая — телогрейка, ватные брюки и ботинки. Давно сносил те ботинки тот мальчик. Но в музее завода неизвестно каким чудом сохранился один экземпляр отличия. Ботинки на деревянной подошве, а к ним пришили брезентовый верх...

Война закончилась. Мальчика обнаружили в списках и настрого запретили ему работать вместе со взрослыми, определив норму — пять часов.

Он давно вырос, самый юный рабочий завода военных лет. 20 января 1985 года исполнилось сорок два года, как Владимир Николаевич Герасимов строит самолеты. А в день, когда наши войска перешли границу и вышли на территорию Германии, его бригада сфотографировалась на память. Ему уже четырнадцать!

ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Есть в нашем обиходе такое понятие — «черный день». Из века в век на «черный день» откладывают люди свои сбережения. Этот «черный день» наступил для всех 22 июня 1941 года.

15 декабря 1942 года к секретарю Саратовского обкома партии пришел колхозник Ферант Петрович Головатый и лично внес 100 тысяч рублей на строительство самолета. За ним так сделали многие.

Сохранились уникальные снимки. Степенные, бородастые заводские деды в нагальных полушубках, шапках с опущенными наушниками стоят на фоне купленных самолетов. Эти самолеты должны защитить их старость. Только не свою старость они защищали, они защищали свою страну, потому что верили: иначе быть не может!

В те дни, голодая, люди шли не на базары купить продукты, люди не спешили скупать барахло, думая о завтрашнем дне. Для наших людей не было завтрашнего дня, если завтра не будет Родины.

Колхозники, рабочие, артисты, солдаты — все, кто почитал Родину превыше своего благополучия, отдали деньги во имя завтрашнего дня, в котором живем мы.

Деньги на самолеты собирали ремесленники и испытатели, летчики и военпреды, школьники и ученые. Конструктор А.С. Яковлев приобрел на свои средства истребитель собственной конструкции и вручил его дважды Герою Советского Союза А. Покрышкину.

Уже через месяц, 13 января 1943 года, на лицевой счет завода на строительство боевых самолетов поступило 133 миллиона 500 тысяч рублей.

В 1943 году фашистские самолеты прорвались к заводу.

Семьдесят процентов производственных мощностей было уничтожено. Смерть пришла на завод не только в безжалостных строках фронтовых похоронок, погибли рабочие, погибли два семнадцатилетних, пришедших из ремесленных училищ: сварщик Костя Закурдаев и токарь Сережа Мишурин...

Через четыре часа после бомбежки

завод начали восстанавливать. Запустили станки и работали под открытым небом. Это был самый трудный период в жизни завода.

Восстановление завода — порыв невероятных сил. Фронт ждал самолеты. И они взлетели на пятый день после бомбежки. На 17 дней раньше срока, поставленного Государственным Комитетом Обороны, и на 7 дней раньше собственного обязательства завод вышел на прежний уровень и превысил его, начав выпускать лучший истребитель Великой Отечественной войны — Як-3.

Из письма на завод: «На Як-3, изготовленном на вашем заводе, можно сражаться одному против четверых, вчетвером против шестнадцати».

А война продолжалась. Уже в 1944 году завод начал шлифовать гильзы для тракторов. Незначительный факт, но об этом стоит вспомнить. Саратовский завод комбайнов строился, чтобы выпускать мирные машины. И они бы пахали землю, убрали хлеб. Не по своей воле здесь начали строить истребители.

Война окончена. Собрались комсорги цехов. Я видел фотографии тех, кто строил самолеты, и тех, кто летал на них. Молодые, красивые люди великой эпохи 40-х годов, которые еще раз доказали всему миру мудрость великой истины: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

Тогда, в 1945 году, еще никто не знал: рынок через десять лет, в такой же ясный июльский день, в саратовское небо на самолете УТ-11, построенном их руками, поднимется такой же ремесленник, как и они. Он вернется на землю и доложит: «Курсант Юрий Гагарин тренировочный полет закончил».

С того полета многое началось!

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

«Война осталась в каждом из нас... — Валя Болдырева задумывается. — Знаете, когда в мою жизнь вошел самолет? В 1944 году, задолго до моего рождения. Фашисты расстреляли маминных родных, а ее в возрасте 13 лет, чудом оставшуюся в живых, вывезли на самолете из партизанского края.

И еще был в моей жизни день, когда отец вернулся с завода и сказал: больше работать по специальности не могу. Его глаза уже не могли смотреть на белый металл, из чего мы делаем самолеты. Что такое десять сменных заданий во время войны? Отец надевал жесткие рукавицы и штамповал дюрелевые детали, не выключая станок, все время двигая заготовку. Он пришел на завод в сорок первом. Во время войны был заместителем секретаря цеховой комсомольской организации. Человек он скромный, и от него ничего не узнаешь. Но однажды пришли товарищи и рассказали, как в одной партии истребителей масло от пропеллера попало, захлестывало кабину летчика. Самолеты стояли готовыми. Срочно дали заказ конструкторам, но это требовало времени. Отец делал ограничитель полтора суток. Я спросила: «А как ты смог?» Он пожал плечами: «Все так работали». А у меня еще перед глазами слова: «Ваш брат Болдырев Николай Сергеевич пропал без вести при высадке морского десанта».

Война осталась в каждом из нас. Об этом я думала, когда вернулась со съезда (Валентина Болдырева представляла Саратовский авиационный завод на XIX съезде ВЛКСМ). Когда увидела пограничников, строителей БАМа, то в каждом из своих товарищей тоже стала искать их черты. Нам, выросшим в мирное время, трудно представить войну, но, оглядываясь на своих товарищей, от их имени говорю: и в трудностях не оплошаем.

Самое главное, самое святое — это объединять память с сегодняшними делами. И мои товарищи Миша Фролов, Гала Таварова, Юра Дерюгин, Марина Талалаева — продолжатели дела отцов

в полном смысле этого слова. Эти ребята из тех, для кого слово «надо» не пустой звук, а камертон их совести. И я горжусь тем, что работаю на Саратовском авиационном. Общий рабочий стаж моих родителей на заводе 80 лет, и я вместе с ними. Если меня спросят, я отвечу: «Если понадобится, так же, как отец, мы будем стоять на рабочем месте, чтобы уйти с чистой совестью». И так можно сказать и о тех, кто работает рядом со мной, и о тех, кто трудится в бригаде Володи Хлебнова».

Мы встретились с Хлебновым вечером. Он бригадир лучшей бригады слесарей-сборщиков, победителя Вахты Памяти, посвященной 40-летию Великой Победы. Хлебнову тридцать четыре года, и по возрасту он как бы промежуточное звено между теми, кто в пятнадцать-шестнадцать лет пришел на завод в 1941 году, и молодыми рабочими его бригады, по возрасту их внуками.

Это из авиации пришло выражение «барахлит мотор». Когда я спросил Володю, что с отцом Михаилом Федоровичем, чье имя я нашел в Книге почета, он так и ответил: «Барахлит мотор». Сердца ремесленников сороковых начинают стучать с переборами... И мы идем в больницу к Михаилу Федоровичу Хлебнову...

«Смотрю на отца, на его товарищей, им бы жить и работать, нас учить. И только война стреляет не только на фронте. Отец, как и ребята его поколения, в 1940 году поступил в ремесленное, в 1941-м выпущен досрочно и всю оставшуюся жизнь в своем цеху. Был у него перерыв, когда после инфаркта запретили работать. Побыл на пенсии, отдышался и вернулся. Сейчас вот в больнице. Вчера пришел к нему, а у него сидят парни из его бригады: «Дядя Миша, как сделать лучше?» Вот какой у меня отец! Я тоже слесарь, только на сборке. Когда окончил десять классов, у меня и не было другой дороги, кроме как на завод, где работали мама и отец. Ребята в бригаде хорошие. Быть первым среди двадцати бригад цеха — дело нелегкое. Особенно когда каждая неделя, отсчитанная из Вахты Памяти, — рубеж, который надо взять. А если нам становится трудно, лучше всего оглянуться на отца или вспомнить наставника. Алексея Федоровича Алтынников тоже из ремесленников сороковых. И он, и отец, и дядя Миша Бобков — люди особые. Мы Алексея Федоровича проводили на пенсию, а нам в наследство остались слова: «Самое трудное задание — Алтынникову, если он сделает, можно браться остальным, а если не сделает, не сделает никто». Стоит прожить жизнь, чтобы и конструкторы, и инженеры так о тебе говорили! Вот что такое ремесленник сороковых годов! Нам, их детям, нельзя быть хуже».

Все годы идут к нам ребята из ПТУ № 1, раньше оно называлось фабрично-заводское, потом ремесленное, сейчас профессионально-техническое.

Сам я пришел на завод в 1968 году. Работали мы еще в старом цехе. Голову поднимешь, а на фермах вмятины после той бомбежки сорок третьего. Но вмятины остаются не только на металле... Однажды в столовой парень из нашей бригады повертел хлеб: черствый — отшвырнул. Агафонников ничего не сказал, поднялся, принес, положил на стол, погладил рукой, вроде бы для себя говорит: «Когда в войну перевыполнял сменное задание, мне вот такой кусочек давали как стахановцу». Бросил хлеб один, а мы все, сидящие за столом, головы опустили.

Я уже человек зрелый, что я могу выделить у наших отцов? Дисциплина! Своим поведением они настраивают на работу всех окружающих. Без лозунгов. Без призывов. Утром распределяют работу, только кончили, они первыми берут инструмент: «Ну, что, ребяташки, начали?» Это поколение, как все воевавшие, может называть себя «люди с чистой совестью».

Иногда, давая самолет, мы работаем по пятнадцать часов. А это тоже ответ на вопрос отцов: «А вы сможете?»

Военная
повесть «Смены»
**ВОЙНА. ПОБЕДА.
КОМСОМОЛ.**
Г глава
пятая

Н. БУТ.
ДЕТСТВО,
ОПАСНОЕ
ВОЙНОЙ.

Сердце наше всегда
сострадает детям.
Их боль —
двойная боль наша,
их горе — наше горе.
Дети войны — особая
глава всенародного подвига.
Именно подвига,
ибо нуждающаяся,
напрягающая все
свои силы в борьбе
с врагом
страна наша
как святыню пронесла
через военные испытания
любовь и доброту к детям.
Не было в ту огненную
пору своих и чужих детей,
о всех в равной мере
заботилась страна,
стремясь хоть малой
толикой вернуть
им отнятое войной детство,
одарить
хоть крупницей радости.
Вспомним тех,
кто теплом своего сердца
отогревал детские
души сирот, всех
названных мам,
воспитателей
и учителей.
Их подвигом в войне была
доброта — наше оружие
в борьбе со злом.

ДЕТИ ВОЙ

Виктор ПОТАНИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

«... КРИКНУТЬ НА ВЕСЬ МИР ВСЕ ВАШИ ИМЕНА!»

Давно уже собирался о них написать.
Но сборы всегда затягивались, да и
мучил вопрос: сумею ли? Ведь нужны
особенные слова! Вот если бы сказать
об этом стихами! Но стихами не сужде-
но — не владею... Да и можно ли лучше,
чем у Ахматовой. Помните:

*«А вы, мои друзья
последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать,
мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью
не стыть плакучей ивой,*

Г. ГРИШИН.
ДЕТИ СТАЛИНГРАДА.

НЫ

**а крикнуть на весь мир
все ваши имена!»**

Я не могу читать это без спазм в горле. Впрочем, самое сильное у этого стиха — это все же конец. Он как набат! Как заклинание! Как разговор с собственным сердцем!

**«Да что там имена!
Ведь все равно — вы с нами!
Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь
идут сквозь дым рядами —
живые с мертвыми:
для славы мертвых нет».**

Как это пронзительно точно — и о мертвых, и о живых... Но я могу писать, имею право, только о живых. И о том, конечно, что видел, что пережил вместе с ними в ту холодную зиму 42-го. И все-таки шли месяцы, годы, а я все не решался. Но вот недавно... Впрочем, расскажу по порядку.

Выступая в одной из курганских школ, я вдруг стал вспоминать свое детство, военные годы. А началось неожиданно: одна бойкая пятиклассница с узкими глазенками, как у лисенка, спросила меня в упор:

— А вы в войну у партизан были?

— Что ты, милая! — поразился я до испуга. — В войну мне было всего восемь лет.

— Но вы же седой... — В классе все засмеялись, а девочка-лисенок обиделась. И мне захотелось ее утешить. Но я не успел — отвлек мальчик с передней парты. Он был в очках и выглядел независимо:

— А магнитофоны у вас в войну были?.. Расскажите, какая марка?

— Да ты что?! — Я почти закричал. — У нас и бумаги-то настоящей не было. Да, да! И бумаги... Мы писали на старых газетах, обертках. И поголодать пришлось. И мерзлую картошку попробовать, и щи из крапивы... А чернила мы наводили из сажи. А карандаши экономили: каждый карандаш резали на три части. Потом делили между собой...

Но договорить я не сумел. В классе сделалось шумно. Я поднял голову и посмотрел вперед. Посмотрел — и сжался от боли: меня же почти не слушали! Каждый был занят собой: один заполнял дневничок, другой нетерпеливо покашливал, третий меланхолично смотрел в окно. Как будто я рассказывал им о далекой эпохе наполеоновских войн. И во мне все поникло — я себя ненавидел. Я для них сейчас скучный дяденька-резонер. Но почему? И тут на выручку мне бросилась та бойконькая — лисенок:

— А у вас в деревне была музыкальная школа?

— В войну, что ли?

— Аха? — Она оглянулась беспомощно, ожидая поддержки. Но класс шумел, и тогда я стал отвечать одной ей, только ей...

— Такой школы, конечно, не было. А вот патефон у нас был. Его привезли с собой ленинградцы. Эвакуированные...

— А что такое эвакуированные? — Опять этот лисенок. Она смотрела в упор и ждала ответа. И я что-то буркнул и стал прощаться. Это походило на бегство. Но я не хотел больше говорить в пустоту.

И пока шел до дома, болела и страдала душа. И ничего меня не радовало, не утешало. А ведь должно бы, должно бы...

И я уже корил себя, не прощал, что не рассказал в школе о ленинградцах. Но ведь опять бы не слушали! Но ведь ты же не решился... А за окном у меня творилось что-то веселое, новогоднее. Ветер уже свистел и постанывал, а в соседней комнате вдруг ожило пианино. Моя Катя

**А. КИТАЕВ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОБЕДОЙ.**

играла Шопена. Пройдет год, и моя дочь окончит музыкальную школу. А потом пройдет еще год, другой, а может, и пять лет пройдет, и моя Катя поступит в консерваторию. Какое это счастье, какая надежда!.. И метель и музыка уже жили вместе. Они слились в один медленный и чудесный звук, но успокоение не приходило... Нет, не может наша надежда без памяти прошлого. Не может. Вот она сейчас рядом — моя дочь — на расстоянии дыхания. Сидит, играет Шопена в теплой, уютной квартире, а ведь она тоже могла бы быть среди них, среди нас, родись пораньше. Сердце бьется глухо, толчками, потому что знает еще какую-то свою, самую исконную правду. Она там, далеко-далеко, в тех холодных военных метелях. В той разнутой и раздетой деревне, которая приютила тогда ленинградских сироток — детей войны. Они называли себя эвакуированными, но мы их всегда называли «сиротки». Они обижались на это, но что их обиды, если они уже испытали самое страшное — и блокаду, и бомбежки, и артобстрелы. Если их имена стоят уже в классном журнале моей родной школы... «Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

«СПАСИБО ИМ ЗА ЭТУ ЛЮБОВЬ»

Нет, сильнее уже не скажешь — «багряный хлынул свет...». Стал повторять эти слова, но перехватило в груди. Я от боли зажмурился. И в этот миг вдруг увидел их. И почему-то в первых рядах поднимался Вовка Адалечкин. Почему он? Я не знаю. Может, потому, что был самый шумный, веселый, главный выдумщик, заводила. А может быть, потому, что он нас слегка презирал. Я как сейчас вижу — Вовка усмехнется и вытнет губу: «Да что вы тут видели? Сено — солома...» И он был прав. Я, например, в то время не видел еще ни города, ни паровоза, даже и на машине-то в кабине не ездил. А за Вовкой был Ленинград. Вовка уверял, что в одном ленинградском доме поместилась бы вся наша деревня Утятка. И мы ему верили, мы завидовали...

Вот Адалечкин бежит к классной доске, а ведь его не вызывали. Но что ему — он же ленинградец. Им все можно — они же сиротки... Это Вовка-то сирота? Совсем непохоже! Вот он стоит у доски и жестикулирует, закатывает глаза. Потом встает на руки и так ходит по классу. Мы хотим, а он — счастлив. Наша учительница стоит в сторонке и вытирает слезы. Ей и жалко его, и обидно: ну разве можно так, на руках? А потом Вовка хватает мел и начинает рисовать на доске. Это карикатуры на всех нас. И как похоже.

В те дни стоял жестокий мороз, а сверху, с неба, падали мертвые, застывшие птицы. Теперь уж таких морозов не будет и такого горя тоже не будет... На дороге показался автобус. Он шел медленно, почти крадучись, еле-еле пробивал сугробы. Вот открылась дверка, и в проеме ее показалась наша директор школы Варвара Степановна Иванова. Вид у нее был замученный: от Кургана до нашей Утятки они ехали почти восемь часов. Это сорок-то километров! Но дороги не было, ехали по снежной целине...

А потом показали и ребятишки. Некоторых выносили прямо на руках — пугливые глаза, серые щеки. Много было больных, покалеченных. Блокада сделала свое дело. Да и ехали долго: от Ленинграда до Кургана добирались около месяца. Вагоны были про-

дувные, холодные... И у нас отойдут ли они, согреются?..

И ведь отошли, отогрелись. А Вовка Адалечкин уже смешит целый класс. Учительница смотрит на него умоляюще, а потом обращается к нам:

— Ребята, мы должны любить наших новеньких, не обижать. Мы пришли им на выручку в трудный час...—И в это время гремит звонок. Вовка Адалечкин машет руками, а потом выскакивает в коридор. Мы следим за ним — все-таки новенький. В коридоре он встречается со своей подружкой Лидочкой Костиковой, мы ее видим уже неделю, но привыкнуть не можем... Она такая печальная, жалкая. Позвоночник у нее изуродован — то ли осколок, то ли контузия. А в глазах все время прыгают искорки — кажется, она сердита на весь мир. Вот они стоят рядом и шепчутся. Два маленьких заговорщика. Вовка дает ей какое-то задание — Лидочка кивает головой, соглашается. Скажу сразу об этом задании: Вовка просит насыпать в питьевой бачок бертолетовой соли. Мы об этом, конечно, не знали еще, не догадывались. Поэтому и пили без всякого опасения. Раз стоит вода — почему не пить! И вот прошел час: может, меньше, и начался ад. В животе прямо огонь, и он готов спалить заживо. И на следующий день пришла та же казнь: желудок подступает к горлу, и нет дыхания. Один Адалечкин не болеет. Это его и выдало... Как они были изобретательны! И как несчастны!

Через несколько дней мы узнали, что все родные у Лиды и Вовки погибли. Все! Невозможно представить. Вот почему, наверное, и «мстили» нам наши новенькие... За то, что мы не слышали свиста бомб, за то, что жили мы так далеко-далеко от войны. И за то, что тогда совсем, совсем не про нас писали стихи: «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...» Да, так и было! Они шли и шли вперед — и мы с ними... И каждый ощущал плечо другого. И одно сердце переливалось в другое, а потом все дальше и дальше... И так до тех пор, пока недоверие не сменилось любовью. Спасибо им за эту любовь!

Спасибо тебе, Боря Смирнов, за то, что мы узнали тебя, а через тебя — Ленинград. Ведь города — это люди, которые живут там. Если люди живут хорошо, добрые — значит, хорошие и города...

Мы его звали почему-то не Боря, а Боренька. Да и могли ли иначе? Ведь он так притягательно улыбался. Ведь глаза его всегда излучали какой-то свет, нет, не свет даже — сияние. Я не видел никогда больше такого взгляда. А иногда он задумывался и как бы начинал вспоминать. Но о чем? И как старело, как менялось лицо. Не то ребенок — не то старичок. Если бы не глаза...

На кого же он походил всегда? Тяжелый вопрос. Но еще тяжелее сейчас признаться в том, что мне он всегда напоминал деревянную чурочку: голова слилась с туловищем, а вот ног не видеть. Так и было: наш Боренька Смирнов жил без ног. Когда везли в эшелоне, он их отморозил. И пока добирались до Кургана, началось воспаление, гангрена. Если бы ноги не ампутировали, Боря бы умер. Врачи в Кургане пообещали ему, утешили: «У тебя, мальчик, еще вырастут ножки. Вот пройдет года два, и они снова появятся. И ты побежишь на своих...» Это была ложь во спасение, я за это медиков не осуждаю. Боря врачам поверил.

В школьной мастерской ему сделали тележку на железных колесиках. Я помню, как Боренька привыкал к ней. Вначале его привязывали к тележке тугим полотенцем и просили отталкиваться деревянными рычажками. Но он терял равновесие и начинал сразу хныкать,

поскуливать, точно ребенок. А он и так был ребенком: Бореньке Смирнову исполнилось только четыре года. Только четыре, а уже лицо старичка...

И все-таки Боренькина тележка поехала. Мы привязали к ней за самый мысык веревочку — и покатила тележка, поехала. У Бореньки сияли и смеялись глаза. И мы тоже смеялись.

Но больше всего мы любили его таскать на руках. Прижмем его к груди и бежим в лес или купаться — к Тоболу. Боренька лежит беспокойно и громко дышит. Я и сейчас помню, как на груди у меня бьется что-то горячее, жаркое... И чуть слышно поскрипывают зубки от нетерпения. И сияют глаза. Как он любил спрашивать, пытаться встречного человека: «Тетеня, посмотри ввизу — у меня ножки не показались?» И если встречная оказывалась догадливой, то всегда отвечала: «Показались, Боренька, показались». И он сразу смеялся, что-то бормотал про себя и снова смеялся... Святая, добрая душа. Где ты теперь? И жив ли? Но кто-то мне отвечает — едва ли. А я не верю. Нет, не верю!

НОВЕНЬКАЯ В НАШЕМ КЛАССЕ

В нашем классе новенькая. Она приехала к нам вместе с мамой — ленинградской учительницей. Мария Никаноровна будет преподавать в старших классах химию и биологию. А к нам, к самым младшим, она привела свою дочь. Сказать точнее, Ната Долинская сама к нам пришла. Открыла классную дверь — и вот уже стоит на пороге. И мы не можем отвести глаз от новенькой. Такая сделала тишина, как перед сильным дождем. Все смотрели на Ната и не верили. Неужели она к нам? Новенькая что-то поняла и опустила голову. Но все равно мы уже все влюбились в нее и потеряли покой.

И вот прошел месяц, потом еще месяц, и только теперь мы поверили, что Ната учится с нами, что можно даже заговорить с ней, можно даже потрогать ее косички. Да, потрогать, чтобы понять, что это не сон. Ведь такие лица, такие глаза, такие волосы бывают только во сне. Их нельзя описать, их даже нельзя представить. Одним словом, чудо и красота...

И вот однажды исчезло чудо: в конце войны Долинские уехали в Ленинград. Я не помню тот день, потому что всех взяло горе. И никого не хотелось видеть, даже мать с бабушкой. И чтоб ни с кем не встречаться, я спрятался в пригон у коровы. Я упал на сухое сено и разрыдался. А потом сделалось еще хуже, больнее. Что говорить — мне уже жить не хотелось, я себя ненавидел. И чтоб прекратить эту боль, стал биться затылком о жерди. Не помогло — только напугалась корова. Она начала мычать, поднимать рога, а потом наклонилась ко мне и стала облизывать щеки. Язык у нее был твердый, шершавый... И вдруг дошло до меня: если Ната уехала, значит, и все они, ленинградцы, скоро уедут. Уедут, бросят нашу Утятку! И опять стало горько, невыносимо. И опять из глаз — слезы. Хорошо, хоть никто не видел. Надо мной задыхалась корова Манька, наверно, жалела меня. Я уже тоже жалел себя. Жалел, приговаривал: никому, мол, ты не нужен, совсем никому, такой полуголодный всегда, обездоленный... Вот они уедут скоро, а ты останешься в этой холодной, голодной деревне, в этих сугробах... И сиротство твое тоже останется: судьба наградила нас уже двумя похоронка-

ми — на моего отца и на дядю Женю, родного брата матери. Он погиб там, откуда они приехали. Под Ленинградом нашла его пуля... И теперь нам некого ждать, совсем некого.

А потом вдруг пришло забыть. Очнулся я от голоса бабушки. Она сидела рядом со мной и поругивала корову: «Ну чё ты такая лямзя. Неуж не видишь, как парень-то наш убивается. Да чо же такое с ним, почему? Да ты бы хоть, внучок, мне намекнул...» — это уже она ко мне обращалась, ко мне шел ее голосок. Этот медленный голосок, как награда...

«МЕТАЛЛОЛОМ ПОЙДЕТ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ТАНКОВ...»

Но самый лучший голос из всех был все же у Вали Руденко. Как сейчас вижу: вечер, горит лампа-семилинейка. Мы сидим в классе, притихли. Из интерната принесли материал — голубые, зеленые лоскуточки. Вот из них мы нарежем носовые платки, шьем кисеты. Тут же сооружаем посылку. Она получится на славу. Местные деревенские принесли несколько пар носков, рукавичек. В эти рукавички мы вкладывали свои письма-послания — «дорогому бойцу на память...». Здесь же работали художники, выпускали бюллетень «Все для фронта». В нем мы печатали разные новости: писали и об успеваемости за неделю, и о сдаче металлолома, и о делах тимуровских, и о нашей помощи родному колхозу... Особенно много писали о сдаче металлолома. По этим делам Утятская школа занимала одно из первых мест по Сибири. О своих успехах мы рапортовали товарищу Сталину. Он откликнулся и послал ответную телеграмму-благодарность на имя Бориса Волкова, Анны Сомусевой и директора школы Варвары Степановны Ивановой. В телеграмме стояли дорогие слова: ваш металлолом пойдет на строительство танков...

В посылки мы часто вкладывали и сухую морковку, и семечки — пощелкай, мол, далекий боец, наш утятский подсолнух... И вот уже в лампе керосин выгорел, и фитилек стал дымить, колебаться, а мы все не расходимся. И в наступившей тишине начинается песня. Громкая и внезапная. Она берет прямо за душу, и ты уже не можешь вырваться из этого плена, да и зачем. Ведь тебе так хорошо, так чудесно. Только немного печально. У Вали Руденко был удивительный голос, только все же печальный. Ну и пусть. Я уже давно заметил, что самый хороший, замечательный голос, о чем бы он ни пел, о чем бы ни рассказывал в своей песне, всегда оставляет после себя печаль и какую-то тайну. И всегда, почти всегда, разгадать это невозможно. Наверное, не знает ее и сам певец, просто тайна эта в самой крови его — в его дыхании, в самой жизни его — в судьбе...

Как-то сразу после войны в наш Курган приезжал Сергей Лемешев. Я был на этом концерте, слушал это пение, но лучше бы не был, лучше б не слушал... Помню: после этого концерта в моем городе вдруг все изменилось. Я шел тогда домой и не узнавал своих улиц и переулков. Все стало каким-то маленьким, низеньким, каким-то даже горестным, провинциальным. Своя личная жизнь тоже почему-то сжалась и потускнела. И сразу же поселились в душу вопросы: «Ну почему ты сам такой маленький, бесталанный? И зачем ты родился на белый свет? Для чего?..» Было так горько, хоть накладывая на себя руки. Но когда прошел этот внезап-

ный порыв, захотелось сделаться другим, совсем другим человеком... И сделать что-то хорошее людям.

Так же душевно, так же пронзительно пела Валя Руденко. В ее голосе тоже была печаль. Наверно, Валя тосковала о доме — о Ленинграде, о своих близких, которых разметала блокада, тосковала о всей своей жизни, которая начиналась в таком горе, в мучениях... И все же печаль длилась недолго. Сквозь нее пробивалась надежда — особенно тогда, когда Валя запевала народные полтавские песни. И ее голос в это время уже не томился, не плакал, а, наоборот, звенел, поднимался все выше и выше. Нам казалось, что звенит колокольчик. Он и сейчас все еще звенит во мне долгим серебряным звоном...

Сейчас Новый год. Музыка, те самые магнитофоны, о которых спрашивали меня ребята. Они звучали справа и слева, и надо мной, в верхних квартирах. А совсем близко, почти под самыми окнами, поднималась к небу огромная зарево — это горела в огнях городская елка. Я засмотрелся на нее — на это голубое, зеленое, на это невыразимое пламя, а сам все вспоминал, вспоминал ту далекую елку сорок третьего года. И ту холодную зиму, и те снега, которые заметали с головой деревенские крыши. И чтоб вырваться из дома, надо было сначала откопать дверь, потом сделать в снегу проходы, а потом уж только постучать в ставень: «Эй, живые кто, выходите!»

Но не все уже были живые. На моих глазах привезли в интернат двух девочек-близнецов. Они местные, из нашей деревни. Конечно же, Утятский интернат создали в первую очередь для приезжих, но в крайних случаях здесь принимали и деревенских. А близнецы — крайний случай. Девочки были дочерями колхозницы Феклы Петинной. Она умерла недавно от истощения. А девочки тоже прямо скелетики. Но дыхание еще есть, и глазенки моргают. Может, и повезет им — поправятся...

С фронтов идут одни похороны. Только за последние месяцы сколько их! Погиб Александр Шваалдышев — у жены Антонины пятеро ребятишек; погиб Дмитрий Луканин — в семье тоже пятеро малышей; погиб Кузьма Трубин, а его дети, Николай, Анна и Виктор, говорят, уже опухли с голоду, и в доме холодина. Выживут ли? Сгорел в танке Иван Репин, сгорел в самолете Яков Менщиков, умер от ран Новгородов Василий... Принесли похоронную и на школьного математика Анатолия Петровича Макарова. Оставил сиротами четырех детей. Зато в семье после него осталось ружье. Жена учителя Анастасия Михайловна стреляет из ружья ворон и сорок. Это для семьи основное питание. Сидишь, бывало, дома, и вдруг под самыми окнами — хлоп! Ружье — не ружье, даже страшно. А бабушка моя только вздохнет и головой покачает: «Еще одной вороны на свете нет. А тоже ведь была живая душа. Ничего, Анастасия Михайловна, вот январь проживем, а там уж полетит. И морозы, может, убавятся...» — это бабушка обращалась к хозяйке ружья, но та ее, конечно, не слышала.

«ТИХАЯ, ГОЛУБАЯ, СОВСЕМ НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ»

Январь начинался с елки. И тот далекий год, сорок третий, тоже начался с наряженной елки, на которую пригласили нас ленинградцы. Какими они были счастливыми, эти приезжие! У них, в интернате, и елка лучше, чем в школе, у них и патефон играет, у них дают подарки...

Я пришел сюда вместе с бабушкой, а все равно страшно. Людей много, но все молчат. Но вот патефон играет песню о Ленинграде, и елка приглашает гостей. Мы входим в большую комнату и замираем: елка горит от хлопучек, от блесков, на ней — самодельные фигурки из дерева, разноцветные шишки, шары. Говорят, что она была еще лучше, красивее: приезжие наделали много бумажных цепей и покрасили их в золотые цвета, но приехал инспектор из района, велел все цепи убрать. Он сказал, что цепи — символ закабаления.

Но и без цепей зеленая красавица хороша! И все равно кругом тихо, мы почему-то даже боимся дышать. Но зато наши глаза! Они все видят, все замечают и следят за движением хозяев. Они стоят пока почему-то отдельно. Вот они — целый ряд: впереди всех директор интерната Назарова Антонина Владимировна, рядом с ней воспитатели Фаина Ароновна Корман и ее сестра Раиса Ароновна, а возле них, переминаясь на раненых ногах, стоит председатель колхоза, недавний фронтовик Батиков Илья Васильевич. А по другую сторону комнаты сошлись вместе директор школы, наша любимая учительница истории Иванова Варвара Степановна, возле нее учительница немецкого языка Анна Васильевна Котова и моя мать — завуч школы Потанина Анна Тимофеевна... А посредине комнаты, почти в метре от елки, стоят те, ради которых и началось торжество. Здесь и Юра Юдин, Лотта Корман, самая знаменитая отличница в нашей школе, а рядом с ними улыбаются два брата Николаевых со своей сестренкой Валенькой. Ей всего лет шесть или семь, а братья постарше. Рядом с Николаевыми стоит вся пуночная Валя Руденко, наша артистка. Ей много лет сегодня, и она очень волнуется. Чуть поодаль — Люся Епифанова, тоненькая, худенькая, похожая на стебелек травы. А чуть подальше располагаются кучкой все деревенские — и ребятишки, и взрослые. У многих на руках даже грудные дети, совсем малышня. Их берут в надежде на дополнительный подарок. Так потом и случается: самым маленьким из гостей дают больше всего...

Объявляют концерт. И опять поют песню о Ленинграде, читают стихи. Меня тоже просят выйти поближе к елке, и я читаю стихи Пушкина о зиме. Читаю громко, до боли в горле, мне кажется, что так и надо читать стихи. А после меня уж поет Валя Руденко. Это чудо! Если б вы слышали, как она пела... Звенит колокольчик, дрожит чистое серебро и навеваает сны. У многих в руках платочки, и они осторожно вытирают глаза. А Валя все поет и поет. Где же она сейчас? Где звенит это серебро-колокольчик?.. Много бы я дал, чтобы знать.

Прошел еще час — и закончился новогодний концерт. Сколько же он длился?! Показалось, всего один миг... Все дорожное, хорошее продолжается всегда только миг. А время ведь уже позднее — надо домой. Школьный конюх Карпей Васильевич запрягает нашу Серуху и начинает всех развозить. Это дело серьезное, нужное. У многих из гостей на ногах нет добротной обуви, а на дворе — мороз...

Доходит очередь до меня. Мы залазим с бабушкой в коробушку. Карпей Васильевич щелкает кнутиком — и вперед. Скрипят полозья, сверкают снега. Я смотрю на луну, и мне кажется, что там ходят какие-то люди, но мне не страшно. Наоборот, мне весело, мне хорошо, да и угостили нас ленинградцы на славу. Даже булочки были из настоящей муки. И концерт понравился, и самому пришлось выступить, и мне все хлопало... Сверкают снега. А в горле у меня спазм

от счастья, да и бабушка рядом. Она укрывает мне ноги шалью, а сама что-то шепчет. Может, молитвы за спасение тех, кто сейчас в ленинградских снегах. «Ты б, Женя, горло-то свое получишь закутывал, а то морозец хватается...» Я слушаю бабушку и улыбаюсь. Ну какой же я Женя? Так зовут ее сына, от которого недавно пришла похоронка. И вот она уже путает нас, а поправить ее не решаюсь... Но мне все равно хорошо. Да и ночь плывет тихая, голубая, совсем новогодняя ночь...

На этой ночи можно бы и закончить, но мне что-то еще мешает. Я подхожу совсем близко к окну и поднимаю высоко шторы. Горит наша елка, пылает до неба. Голубой и зеленый свет. И еще красный, желтый, сиреневый. Счастливый новогодний огонь... А какой же свет был там, в Ленинграде? Багряный? Да, да, багряный, как кровь. Потому и написал поэт: «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

«НО ЭТО БЫЛИ УЖЕ ДРУГИЕ СЛЕЗЫ»

И в этом ряду я вижу лицо Юры Юдина. Вот оно, рядом, можно даже дотронуться. Красивое, ясноглазое, как у капитана Гастелло. Он и душой своей походил на чудесного летчика и так же ненавидел фашистов...

И вот я начал рассказ о Юре, а сам боюсь: сумею ли, хватит ли нервов? Был у меня самый страшный день в те далекие годы. Признаюсь сейчас: этот день связан с Юрой...

Как мы, деревенские, любили его! И как гордились! Нам казалось, что он самый бесстрашный. Ему было лет двенадцать-тринадцать, но мы знали, что он в Ленинграде уже дежурил на крышах и сбрасывал зажигалки. А это ведь те же бомбы...

Он приехал к нам вместе с мамой, и та устроилась в интернате. Работа тяжелая: с утра до ночи на кухне. Она и за повару, и за техничку, а по ночам ухаживала за больными. Вот и сдало сердце, не выдержало. Да и как ему выдержать, когда за плечами блокада. И вот однажды Юра проснулся, а мама не дышит. Он подошел поближе к кровати и не услышал дыхания. Он схватил ее за руку — ладонь была ледяная. И тогда, потрясенный, он закрылся и кинулся прямо к двери. Они жили на первом этаже интерната, а Юра выскочил сразу в ограду. Он выбежал раздетый, разутый, в одних тонких носочках. Он не медлил, потому что принял решение. Но что было потом — я не знаю. Одно только помню: как он страшно кричал, как разбудил всю деревню. Его крики услышали в каждой избе, да и как не услышать!.. Часто говорят: у меня кровь, мол, застыла в жилах. Так и было тогда, так и случилось — и пришел ужас. Такого страха я никогда не знал еще, не испытывал. И закричать бы тоже, но не могу. И этот страх приподнял меня с места и кинул на улицу. А там уже вся деревня. Как будто пожар или кого-то убили. Но все бежали к Тоболе: на берегу что-то случилось. И мы тогда побежали, но было уже поздно... Навстречу нам шел Игорь Плотников и нес на руках нашего Юру. Игорь нес его осторожно, как будто брел по воде, как будто у него заболели ноги. Голова у Юры моталась, все время сползала набок, но сам он был живой.

По толпе прошел вздох облегчения. А потом женщины закричали: «Быстрой, Игорь, быстрей! У него, поди, обморок?..» И тот сразу прибавил шаг, а потом побежал бегом — откуда только у

Игоря силы взялись. Так на руках и занес Юру на второй этаж — в интернате сразу зажглись огни и забегали люди. И только через час на этаже все затихло. Но мы не расходились. Помню, было холодно, а в небе сиял блеклый, еле заметный месяц. Скоро его скрыли тучи, и посыпал дождик. Это было как облегчение, как надежда. И тогда все пошло домой. По пути мои соседки разговорились. От них узнал я, что Игорь догнал своего дружка уже на самой реке. Еще бы миг — и тот бы, мол, бросился с берега, утопился. Но, видно, повезло парнишке. Видно, есть еще счастье...

Счастье? Какое оно? Да и есть ли оно на свете? Ведь через два дня мы хоронили Юрину маму. Маленький белый гробик пах смолкой и свежей стружкой. Так же пахли сосновые ветки. Мы их бросали себе под ноги. Шли за телегой и бросали. Лошадь шагала тихо и все время вязла в глубокой колее, но до кладбища было близко. Вот и кладбище, вот и холмик земли, вот и свежая ямка... Юра в последний раз посмотрел на мать и упал на гроб. Он не кричал, он не бился: наверное, не было уже сил...

«ДЛЯ СЛАВЫ МЕРТВЫХ НЕТ»

Через несколько месяцев мы их провозжали. Еще шла война, еще в моей деревне получали похороны, а они, помню, смеялись, плакали и кричали. Но это были уже другие слезы... И глаза у них сияли счастливым светом. Так, значит, есть оно — счастье! Значит, все-таки есть! Значит, оно в том, чтоб однажды после долгой-долгой разлуки вернуться домой. И хорошо, что он есть, этот дом! И уж совсем хорошо, что этот дом зовут Ленинград...

Вот на этом великом слове я сейчас и закончу. Как я любил всю жизнь это слово, как я люблю... И пусть пройдут месяцы, годы, а это слово все так же сияет для меня, как та елка, в том незабываемом сорок третьем... Ленинград... Ты и мужество, ты и сила, ты и цвет нашего знамени, ты и поэзия, ты и детство мое — Ленинград!

Недавно у меня гостил ленинградский поэт Глеб Горбовский. Мы пили с ним чай из большого белого самовара и читали стихи. Вернее, он читал, а я слушал. И вся семья моя слушала, потому что стихи его — наша любовь... А потом мы говорили, вспоминали о разном, и я признался:

— У меня ведь все лучшее в жизни связано с Ленинградом. И война, и детство, и даже друзья.

— А ты помнишь?.. — вдруг спросил он и стал читать медленно, с придыханием:

**«Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь
идут сквозь дым рядами —
живые с мертвыми:
для славы мертвых нет».**

Да, я помнил, хорошо помнил это. И я не забуду!..

Нет, не забуду! И вот сейчас опять все повторилось: я смотрю в окно, а там тихая, совсем новогодняя ночь. И горит наша большая курганская елка, пылает до неба. Я смотрю на это зарево, а сам вижу другие огни... и другие глаза. Это глаза моих далеких друзей — глаза ленинградцев. Давайте же никогда не забудем их — детей суровой блокады! Детей войны! Я обращаюсь к вам, мои земляки... И к вам, мои знакомые и незнакомые школьники. И к тебе, моя бойкая пятиклассница с глазами лисенка. Не забудем и понесем вперед нашу память!

Военная
повесть «Смены»
**ВОЙНА. ПОБЕДА.
КОМСОМОЛ.**
Г лава
шестая

«Постепенно это захватывает тебя целиком. Рвется привычный круг обязанностей, очень простых, требующих от тебя усилий, времени, сосредоточенности. Ты начинаешь понимать, что от чего-то надо отказываться, от каких-то маленьких радостей, от давних привычек, от встреч с друзьями, от воскресных семейных прогулок... Потому что сутки, как ни старайся, раздвинуть невозможно. Это не проходит болезненно: на тебя обижаются домашние, приятели упрекают в зазнайстве. Но ты уже не в силах ничего изменить без ущерба делу, которое считаешь своим и за которое отвечаешь перед людьми... И перед собой».

Томша говорит о своей поисковой работе. Он откровенен. Он всегда откровенен и всегда говорит то, что думает. Отсутствие дипломатичности порой ему мешает. Но даже те, кому прямолинейность Томши не нравится, уважают его. Нельзя не уважать человека, который никогда не ищет личных выгод и не отступает от своих принципов.

Шесть лет назад слесарь ПО «Молдавгидромаш» комсомолец Александр Томша возглавил поисковую группу объединения. Произошло это при следующих прозаических обстоятельствах. Команда завода, за которую выступал Томша на военно-патриотическом слете, потерпела поражение. Ребята неплохо бегали, метали гранату, быстро разбивали лагерь и ставили палатки и все равно проиграли. Им не достало очков, которые начислялись за поиско-

**В. ПСАРЕВ.
ПАМЯТЬ 9 МАЯ.**

Владислав ЯНЕЛИС

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

А. ЕРЕМИН. ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ.

вую работу. Их знания военной истории края были разрозненны, походы, которые они проводили, не могли считаться в полной мере поисково-экспедиционными. Узнав о поражении, они собрались у костра, чтобы обсудить ситуацию. Строили планы, обговаривали идеи. Острее всех переживал происшедшее Томша: за военно-патриотическую работу отвечал в комитете комсомола он.

К их костру подошел корреспондент многотиражки объединения Борис Сандрацкий и протянул Александру газету «Молодежь Молдавии».

— Прочти,— сказал он.— Потом поговорим.

И ткнул пальцем в набранную петитом заметку. Это было письмо ветерана войны, бывшего комсорга санитарного транспорта «Котовский» Александра Митрофановича Леонкова. «В годы Великой Отечественной войны,— писал Леонков,— на Черном море героически вели себя санитарные транспорты, несшие дорогие молдавскому народу имена «Молдавия» и «Котовский». Архивы кораблей затерялись, оставшихся в живых черноморцев разбросала по свету война...» Спустя несколько десятилетий бывший моряк обращался к молодежи республики с призывом восстановить историю кораблей, судьбы членов их экипажей.

Томша перечитал письмо дважды, потом прочел его вслух. Спросил: — Беремся?

Ему ответили хором: «Да».

— Но помните, бросать на полпути не будем. Доведем дело до конца.

Они не могли тогда представить даже приблизительно, сколько усилий потребует от них этот поиск. Сколько вместит в себя бессонных ночей, подарит надежд, принесет ошибок. С каким трепетом будут они ждать писем от тогда еще незнакомых людей, которых они просили вернуться памятью в свою военную юность. Тогда у костра в них еще говорило чувство обиды за поражение на слете, уязвленное самолюбие. Но это скоро пройдет, они забудут про обиду и отдадутся поиску искренне, осмысленно, со всем упорством и максимализмом молодости. Не все, конечно. Кого-то разочаруют, охладят первые неудачи, кто-то отойдет в сторону из-за «дефицита свободного времени» или столкнувшись с чьим-нибудь равнодушием. Но останутся самые стойкие, преданные: Тая Тюрина, Раиса Томай, Борис Сандрацкий, Валерий Гылка, Светлана Платова, Наталья Нехаенко. И Александр Томша, бессменный руководитель поисковой группы, которая вскоре стала именоваться «Котовец».

Итак, они написали Леонкову, что решили постранично воскресить историю транспортов и экипажей. «Прошу считать меня рядовым членом поисковой группы, готовым внести посильный вклад в дело восстановления памяти кораблей-героев и моих боевых товарищей»,— ответил А. М. Леонков, доктор технических наук, профессор Белорусского политехнического института. Бывший комсорг «Котовского» сообщил то,

что было ему известно о кораблях, и дал адреса людей, которые служили на них.

Спустя несколько дней Томша собственноручно отнес на почту пачку писем с пометками «заказные», направляемых гидромашевцами ветеранам войны, в редакции областных газет, в архивы, в различные учреждения. Это потом будет выработан текст подобных обращений, краткий, исчерпывающий, размножены фирменные бланки с опознавательным знаком поисковой группы в левом верхнем углу. Первые письма были от руки, написанные сдержанно, с извинительными интонациями: «если это возможно, просим поделиться воспоминаниями...», «если вас не затруднит, то вышлите фотокопии» и т. п. Следопыты не предполагали, какой душевный подъем вызовут их послания у бывших фронтовиков, почувствовавших в обращении к ним неподдельный, исходящий от самого сердца интерес к их судьбам.

Вскоре на траверзе поиска гидромашевцев появились первые конкретные адресаты. В Одессе откликнулся старпом «Котовского» Дмитрий Матвеевич Андрияш, человек несгибаемого характера и большого мужества. Он начал воевать с фашизмом еще в Испании, прошел всю Великую Отечественную, долгие годы плавал капитаном больших судов в мирное время. Нашли комсомольцы и Ольгу Александровну Васильеву, бывшую медсестру, воевавшую на транспортах, а затем в 255-й бригаде морской пехоты, «атамана Олю», как

Ю. РЯЗАНОВ. ШЕФЫ.

Уходят все дальше в историю сражения, зарубиваются раны земли, нанесенные железом войны, на местах бывших пелелищ встают светлые города. Нетленна лишь Память наша о тех, кому обязаны мы свободой и счастьем. Память, прорастающая в каждом поколении новыми ослепительными побегами.

Эта Память побуждает нас вновь и вновь идти маршрутами поиска, чтобы вернуть из неизвестности имена и дела павших солдат Великой Отечественной, чтобы трудом своим воздвигнуть символы вечной славы героям, чтобы девиз «Никто не забыт, ничто не забыто!» оставался нашим нравственным законом.

называли ее товарищи за бесстрашие. Трудно было представить, что врач одной из клиник Житомира, обремененная внуками бабушка со спокойным, чистым взглядом, эта пожилая уже женщина не раз поднимала в атаку взвод, шла впереди мужчин, морских пехотинцев, не боявшихся ни бога ни черта. Ответил поисковиком из Севастополя Симон Ильич Гор, бывший командир БЧ-1, в послевоенное время калитан китобойного судна. Немало интересного о судьбе военморов узнали гидромашевцы от бывшего главного старшины Григория Павловича Писарцева, жизнь которого вместила необъятно много событий драматических, но не поколебала человеческого духа «добраго гения» корабля и отважного воина. Память Писарцева оказалась настоящим кладом дат, имен, деталей, проливавших свет на множество доселе неизвестных обстоятельств войны, исследуемых Томшей и его товарищами.

Александр записывал в отдельную тетрадь то, что удавалось установить. Если суммировать эти записи, краткая история легендарных кораблей была такова. Довоенной постройки пассажирские суда «Молдавия» и «Котовский» курсировали между черноморскими портами, перевоза отдыхавших, почту, народнохозяйственные грузы. Спустя несколько часов после вторжения гитлеровцев на территорию СССР мирные суда в числе других было решено переоборудовать в санитарные транспорты и влить их в состав Черноморского флота. 12 июля 1941 года «Котовский» вышел в свой первый рейс из Одессы в Николаев с 250 тяжелоранеными бойцами. Спустя несколько дней безоружный транспорт, окрашенный в соответствии с решением Брюссельской конвенции в белый цвет и имевший на обоих бортах и фок-мачте красные кресты, предупреждавшие о гуманном назначении судна, был атакован врагом. Восемь пикирующих бомбардировщиков обрушили на «Котовского» бомбы и пулеметный огонь. Корабль спасли искусное маневрирование, мужество команды и четыре появившихся вскоре красноезвездных самолета.

«Котовский» вооружился зениткой и двумя пулеметами, оружием, имеющим скорее символическое значение в противоборстве с воздушным противником. Но даже оно в руках отважных военморов оказывалось грозным в бесчисленных поединках с врагом на переходах. Но 14 сентября трагедия постигла «Молдавию».

Оба транспорта, приняв на борт эвакуированных женщин, детей, раненых, вышли из порта в Ягорлыкском заливе. И тут же в небе над ними появились вражеские пикировщики. Корабли приняли бой; моряки отбивали атаки зенитным, пулеметным, винтовочным огнем, меняли курс. Первый налет в этот день кончился ничем. Спустя несколько часов новый налет: на транспорты набросились сразу 17 гитлеровских самолетов. «Молдавия» села на мель. Полузатопленный корабль продолжали расстреливать и бомбить, поливая свинцом искверканные палубы с мечущимися в ужасе людьми. Но, и умирая, судно сражалось. Расчеты сменяли друг друга. Объятые пламенем, задыхаясь в дыму, моряки спасали женщин, детей, раненых, помогая им садиться в шлюпки. Так погибла «Молдавия», а вместе с ней 800 советских граждан, большинство из которых никогда не держало в руках оружия.

«Котовский», отстреливаясь, ушел. Ему суждена была еще долгая жизнь, многие испытания, походы, бои. Пройдет время, и у корабля появится новая профессия: он станет плавучей базой подводных лодок и всю войну будет мстить за погибшего собрата.

«Я и моя боевая подруга — бывшая военная медсестра Нина Елисеевна Лимонова взволнованы вашей заботой. В день гибели «Молдавии» Нина Елисеевна получила тяжелое ранение, которое повлияло на ее зрение. Теперь она совсем ослепла. Прошу вас, ребята, не забывайте о ней. Ваши письма и открыт-

ки — большая радость...» — так писала поисковой группе Мария Лопотенко-Астахова из Ростова-на-Дону.

Они не забывали. Все 37 оставшихся в живых членов экипажей «Котовского» и «Молдавии» стали адресатами постоянной заботы гидромашевцев. Восстановление боевой истории кораблей было только началом. Ребята пригласили к себе в Кишинев бывших военных моряков, большинство из которых не видели друг друга несколько десятилетий. Встреча на земле Молдавии, слезы радости на лицах убоженных седмиами людьми стали наградой для Томши и его товарищей. Только тогда в полной мере они поняли, какое огромное дело свершили. К этому времени были готовы альбомы и стенды, рассказывающие именно так, постранично, подробно, о военном пути кораблей. Долгие месяцы Томша собирал выцветшие фотографии, систематизировал отрывочные записи из судовых журналов, политдонесений, писем. Это был труд, который сделал бы честь профессиональному исследователю-архивисту.

Бывшие краснофлотцы, они узнавали себя на никогда не виденных ими прежде увеличенных фотографиях, удивлялись, радовались, грустили. И вспоминали, что вот этот, четвертый слева с ясным девичьим лицом, Никон Борисенко, погубил у Тенды, а этот, улыбающийся, с лихо заломленной бескозыркой, — под Одессой, а этот... Они были благодарны Томше и его друзьям, как бывают благодарны люди, которым пусть ненадолго, но вернули их молодость, время их наивысшего человеческого взлета и подвига.

В заключение на суд ветеранов был представлен проект девятнадцатиметрового обелиска, который должен увековечить подвиг легендарных кораблей и их экипажей, встав над островом Березань. Проект приняли единогласно.

Забегая вперед, скажу: я видел обелиск уже почти завершенным. Строгий, точный по смыслу, лишенный какого бы то ни было украшения, он передает дух и страстность сурового военного времени и благодарность потомков его героям. Каждый килограмм металла, из которого исполнен обелиск, был оплачен добровольным трудом молодых гидромашевцев, заработавших на суботниках 15 тысяч рублей, отданных ими делу увековечения памяти.

Итак, задача, которую ставили перед собой, начиная поиск, Александр Томша и его единомышленники, была выполнена. Летопись создана. Никто не упрекнул бы их, вернись они к будничным своим заботам. Но дело, которому отдали ребята полтора года, не было для них переходящей акцией, о которой рапортуяют и забывают. Поиск, общение с военной историей стали для этих людей необходимостью. Их духовная связь с прошлым обрела вдруг жизненно важный смысл сегодня.

Томша возглавлял комитет ВЛКСМ завода, был членом бюро горкома комсомола (а вскоре — членом ЦК ЛКСМ Молдавии). Он регулярно перевыполнял норму, причем работал на сборке особо сложных агрегатов. На счету Томши целый ряд рацпредложений с высоким экономическим эффектом, он признан лучшим рационализатором объединения. Все это требовало времени и еще раз времени. Но Томша ни в чем не искал для себя скидок. Больше того, стоило одному из поисковых звеньев зайти в работу в тулук, ослабить рвение (обычно это случалось с новичками в следопытском деле), Томша приходил на помощь, убеждал, а порой и взыскивал за отсутствие настойчивости. На «Молдавгидромаше» действовал руководимый Александром штаб поисковой группы «Котовец», работа велась по восемнадцати направлениям. Она охватывала историю боевых действий пограничных частей, начавших войну в Молдавии, сражавшихся на Черном море подводных лодок, эскадренных миноносцев. Гидромашевцы разыскивали исторические материалы, касавшиеся летописи их собственного предприятия,

перешагнувшего вековой рубеж, и многое другое.

Сам Томша уже занимался восстановлением боевого пути 2-й гвардейской Крымской ордена Ленина, дважды Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого кавалерийской дивизии имени Совнаркома УССР, входившей в состав легендарного 1-го кавкорпуса. Его особенно интересовал начальный период войны, документальных свидетельств о котором почти не сохранилось в военных и прочих архивах.

— После завершения поисковой работы по санитарным транспортам я некоторое время был в растерянности. Чувствовал: чего-то не хватает, что-то уходит из моей жизни. Встречу на улице ветерана войны и чувствую словно вину перед ним. Однажды зашел в краеведческий музей, стоял у экспозиций, там — о кавкорпусе мельком, в самых общих чертах. Но сразу приковала одна деталь: каддизия только за два месяца боев уничтожила более 11 тысяч солдат и офицеров противника, около сорока танков: 7 суток, и это в самом начале войны(!), дивизия удерживала свои позиции на реке Прут, давая возможность эвакуировать из пограничных районов мирное население.

Полез в мемуары, в архивы — тот период был освещен очень скупо. Дальнейший путь кавкорпуса, его рейды по тылам врага, бои на Харьковском направлении, освобождение Киева, Житомира и дальше — Чехословакия, Германия, форсирование Одера — все это было более или менее полно. Понял, что нельзя медлить: если мы это не сделаем сейчас, не соберем по крупицам то, что еще можно собрать, потом будет поздно.

Бывший военный телеграфист Н. П. Гунько из Перми сообщил адреса 23 здравствующих ветеранов каддизии, которые прошли с ней от первого до последнего дня войны. Им сразу же были направлены анкеты, своеобразные вопросники, составленные Томшей. Он шел в поиске от одного человека к другому, систематизировал воспоминания, события, даты, сопоставлял фрагменты боев, создавая цельную картину битвы.

Живая связь его с людьми, кто так или иначе привнес в боевую летопись дивизии свои строки воспоминаний, не прерывается. Томша поддерживает ветеранов своими письмами морально, стремится помочь в решении житейских проблем. Узнав, что квартира у одного из бывших конников нуждается в ремонте, Томша бомбардирует местный исполком письмами до тех пор, пока ремонт не производится. Он поднимает на ноги комсомол района, школьников, просит их оказывать постоянное внимание бывшему бесстрашному солдату.

Добытые с величайшим трудом материалы, выписки из архивов, личные воспоминания не просто копятя до поры — систематизируются. В отдельную книгу, названную «Книгой памяти», Томша вносит имена павших бойцов каддизии. Тут и данные военкоматов, и те, что пришли от сотен добровольных корреспондентов.

Я видел эту книгу. Там все по-военному лаконично: «Самойлов Александр Антонович, младший сержант (108-й кавполк), убит 24.6.41 в Вишневеке. Призывался из села Копылово Тамбовской обл.», «Чанурия Поликарп Давидович, год рожд. 1914, ефрейтор (71-й кавполк), убит 12.7.41 в Сиротенах. Призывался из Тбилиси, ул. Плуговая, 12», «Турдыев Мадляк, красноармеец, год рожд. 1919 (5-й кавполк), убит 14.7.41 в Хирово. Призывался из Самарканда», «Дудник Маркерян Иванович...» «Книга памяти» — для Томши своего рода руководство к действию. Сверив все данные, он обращается в исполкомы сельских и поселковых Советов с просьбой сообщить, увековечено ли имя павшего бойца в списке погибших, разыскивает родных и близких героя. Порой сам едет на места боев, идет к обелискам над братскими могилами, чтобы лично удостовериться, сохранилась ли память о

воинах, стоявших насмерть на этих рубежах.

Я думал о том, какой же самодисциплиной надо обладать, какой страстью пылать к своему делу, чтобы вот так, изо дня в день, откладывая заботы житейские, садиться за стол и работать. Составлять воедино звенья поиска, разбираться в мудреных почерках, в чужих непонятных судьбах, в не всегда ясных коллизиях войны, писать запросы, не забывать поздравить сотни людей с их военными праздниками. Обо всем помнить, держать в уме сотни адресов, имен, событий. И главное — никогда не отчаиваться, а это самое трудное.

Помимо значения чисто прикладного, связанного с увековечением памяти красных конников, работа Томши имела значение исследовательское. У него концентрировался материал, поистине бесценный для историков, которым не располагали ни архивы, ни хранилища. Ведь это были свидетельства живых людей, обстоятельные, написанные их сердцем и памятью, еще не уложенные в жесткую схему формул. И Александр щедро делился этим материалом, помогая музеям, военным историкам, следопытским отрядам, работавшим в том же направлении.

Однажды вечером к нему в комнату, где он работает, пришли двое. Представились учеными, просмотрели тетради, схемы, альбомы. Помялись, не зная, видимо, с чего начать... Наконец, без обиняков назвали сумму, которую они готовы выложить Томше наличными за часть собранных им материалов. Объяснили: это нужно для монографии. Александр опешил, потом вдруг в нем закипела ярость, он вышел из-за стола, распахнул дверь: «Я памятью не торгую».

Мы часто засиживались с ним допоздна в этой комнате. Вообще-то это кабинет коменданта общежития мало-семейки, отдаваемый вечерами Томше для работы. Шафа, стеллажи, тумбочки, простенки забиты письмами, книгами, альбомами Александра. Это только то, что всегда у него должно быть под рукой, большая часть материалов хранится в комитете комсомола предприятия. Хорошо, что есть хоть эта комната, все это просто невозможно разместить в крошечной однокомнатной квартирке, где живут четверо — двое взрослых и двое детей.

Часто на огонек заходили товарищи Александра, кто просто так, кто помочь, кто посоветоваться, а кто поздравить Томшу с орденом Трудовой Славы III степени, которым награжден тот совсем недавно за самоотверженный труд и рабочее творчество. Иногда он откладывал свои тетради, брал чистый лист и, нарисовав узел какого-нибудь агрегата, объяснял кому-то, с чего, по его мнению, лучше начинать сборку... Впрочем, это тема другого рассказа.

Больше года назад «Смена» открыла на своих страницах рубрику «Живая память». Мы начали рассказ о людях, которые посвятили себя благородному делу восстановления и увековечения памяти героев войны. Материалы под рубрикой «Живая память» вызвали необыкновенный читательский интерес. Тысячи людей писали нам о непреходящей важности поисковой работы, просили передать земной поклон юношам и девушкам, мальчишкам и девочкам, которые, не жалея сил и времени, вписывают новые страницы в Летопись Всенародного подвига. Мы продолжаем рассказ о тех, кто каждый день делами и помыслами остается верным сыновнему долгу своему, долгу предков и продолжателей славы солдат Великой Отечественной.

ВИШНИ СОРОК ПЯТОГО

Радий ПОГОДИН

РАССКАЗ

Ж

ара стояла такая, словно сердце земной природы тронулось навстречу наступающим танкам.

Танки шли по цветам, вдавливая их в разогретый асфальт. Солдаты, тесно сидевшие на броне, вытягивали шеи, смущенно сжимали в руках свои солдатские мешки, в которых были патроны, хлеб да еще румынский горох, похожий на игральные кости.

Люблин — город прекрасный: желтый с белым и красным, и зелени в нем много. И не очень побитый.

И как раз в этот день солдатам стало неловко за свои линялые, застиранные гимнастерки и удобные, но все же копытообразные, разбитые башмаки.

А все паненки!

Подбегали паненки, вставляли на цыпочки — дарили солдатам цветы из рук в руки. Касались солдатских пальцев пальцами. Машины вздрагивали, приостанавливались, чтобы ненароком не смять хрупкое и неосторожное в радости человеческого тело.

— Прошу пана, — говорили паненки. Глаза их светились.

Молодые солдаты, до паненок еще не смелые, да и взрослые, тоже отвыкшие за войну от креп-жоржета, смущенно оправдывались:

— Какие же мы вам пань? Мы интернационал. Товарищи.

В Люблине стоял запах роз, он заглушал все другие запахи города, кроме одного, который чувствуют только танкисты, — освобожденные города пахнут сгоревшими танками.

А на балконах, сияя парадными с высокими жесткими задниками лаковыми сапогами, стояли настоящие пань. Брали пань пясточками печенье из хрустальных ваз, а вазы эти хрустальные держали горничные в кружевных передничках, и это печенье сахарное пань по штучке, как рыбкам, бросали под танки.

Молодые солдаты впервые видели панов вживе.

— Серега, смотри, буржуи.

— Тише ты. Может, артисты. Может быть, тенора...

Из окон верхних этажей торчали жители попроще: шумные, жаркоглазые — один над другим. Они махали руками, печеньями не баловались, но кидали солдатам сигареты из наскоро распечатанных пачек.

Мальчишки в конфедератках, сползающих на уши, подбирали сигареты и сахарное печенье. Печенье пихали в рот, сигареты совали танкистам, норвя при этом залезть на броню.

— Цigarки, панове. Цigarки!.. — И шепотом: — Пан, дай пистоль. Пан, продай шмайсер.

«Дай» и «продай» говорили по-русски.

Солдаты давали им шлепка легкого или щелчка по маковке. Позабыв на минуточку о коммерции, мальчишки жались к солдатам, трогали ордена и нашивки.

Танки шли на Варшаву.

Выбравшись из цветов, улыбок и креп-жоржета, батальоны набирали скорость рыском — они как бы встряхивали окрестность многотонной волей брони. Васька Егоров, сержант, прикомандированный к разведотделу армии, потерял под этим городом Люблином свой почти музейный броневичок и теперь догонял бригаду на трофейном «цундале». Бригада его ушла далеко вперед и, может, уже разворачивалась в боевой порядок.

Стрелка спидометра поклеивала по ограничителю. Плотный ветер студил Васькины щеки. Летел Васька Егоров, едва касаясь асфальта колесами, и казалось ему, что танковая колонна, вдоль которой он так быстро летел, грохочет на месте, старательно соскребая асфальт. Еще вчера он гордо называл «тридцатьчетверки» альбатросами, поскольку в детстве был налит по маковку морским романтическим супом. Сейчас он был зацелован паненками и непомерно велик, и ему казалось, что скорость у «альбатросов» маловата, что не хватает им той настоящей победной скорости, чтобы мчаться как ветер, не ломая цветов и не вмятая их в землю.

Вчера его броневичок раскололся на mine и упал в кювет. Васька вытащил из машины водителя и стрелка. Их увезли на грузовике, тесно положив среди других мертвых — руки по швам.

Васька угнал у какого-то ротозея тяжелый трофейный «цундал». Сейчас в глазах его, засвеченных в Люблине розами, становилось вдруг темно и слезно.

Но свистел ветер в Васькиных ушах. Щеки горели — не остывали.

Воевал Васька в России — победы в ней были, как спирт, разведенный слезами. Сегодня война повернулась в Васькином сердце ликующей стороной.

Впереди у березы стояла паненка с белыми волосами. Полосатая домотканая юбка надувалась колоколом над девчонкиными коленями. Девчонка держала в руках корзину и, смеясь и слегка подпрыгивая, кидала что-то танкистам.

Васька крикнул ей издали:

— Кинь мне!

И в лицо ему вдруг ударило хлестко и ослепительно. Он перестал видеть свет и дорогу, только уловил у плеча стальной грозный грохот. Положил руль в другую сторону и тормознул. Его швырнуло, перевернуло через голову и хрястнуло обо что-то спиной. От удара зрение его приобрело как бы особую власть над миром. Он увидел небо, идущее на него острой жестью, — березы валились и медленно поворачивались...

Некоторое время Васька лежал в темноте, и боль внутри него гудела, как двигатель.

Очнувшись, он увидел над собой глаза — синь и страх.

— Цо то, пан? Пан зранены?

«Наверное, мина под колеса, — подумал Васька. — Наверное, мотоцикл к черту — адрызг. На чем ехать?»

— Свента Марья! Пан в крови.

Васька слегка приподнялся. Ощутил спиной и затылком березу.

«Кости целы, голова работает — промигаюсь...»

Паненка, та самая, в полосатой юбке, стояла над ним на коленях, дышала ему в лицо чем-то летним, очень душистым. Она сняла белую косынку, упавшую на плечи. Принялась вытирать Ваське лицо осторожно и ласково. Она говорила ему, чтобы он потерпел, прижималась к его щеке своей щекой, наверно, чтобы легче ему терпеть было. Потом откинулась — распрямилась, стоя на коленях, и засмеялась, сначала тихо, потом во весь голос.

— Ой, пан... То не крз — то вишня! — И упала на него, уже не боясь причинить ему боль. И тискала его, и целовала в губы, и в лоб, и в глаза. От нее пахло вишнями. Она совала ему вишни в рот, и в карманы, и даже за пазуху.

Мотоцикл лежал в канаве с помятым крылом. Из него даже бензин не вытек.

«Значит, она меня вишнями? — подумал Васька. Эта мысль показалась ему нелепой. — Меня! Вишнями! Да я ее...» И он засмеялся. Притиснул ее к себе так, что она побледнела. И долго держал ее возле себя, пока воздух в стиснутых легких не превратился в удушливый пар.

И когда он завел мотоцикл, девчонка стояла возле, тихая и удивленная, как бы проснувшаяся после крепкого детского сна.

— Як я шшестрамшиламся... — шептала она, глядя в землю. И, вскинув глаза на него, добавляла, застенчиво улыбаясь: — То не крз — то вишня.

Танки уходили по шоссе вперед.

Глядя на них, Васька вспомнил вчерашний день и товарищей, положенных в грузовик тесно — руки по швам. Прорисовался в его глазах ликующий город Люблин — Победа! И радость Победы вдруг показалась ему умеренной.

— Зер гут, — сказал он, зачем-то ввернув немецкое слово. — Конечно, это не кровь. Это ягода — вишня.

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

Идут годы. Растут, мужают новые поколения. Сыновья и внуки солдат Великой Отечественной стоят сегодня на страже рубежей нашей Родины. За их спиной — мирная жизнь, человеческое счастье и радость.

И они — вооруженные защитники страны — ответственны за все это.

Верные традициям солдат-победителей, традициям славы и мужества, комсомольцы в военной форме и сегодня проявляют доблесть и бесстрашие.

вича Кижеватова до конца. Последний свой рапорт рукой одного из ее защитников заставила на стене каземата: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20. VII. 41 г.». Семь слов, адресованных в будущее, полнее любой сводки, убедительнее любых цифр. Семь слов впечатываются, врастают в сознание потомков солдат 41-го года великим примером любви к Родине, человеческого бесстрашия и стойкости, болью и гордостью.

Лишь фундамент остался от бывшей заставы военной поры. Давно построили новую, неподалеку. Но неистребим дух легендарной Кижеватовской, ее изначальные традиции военной крепости. Новая застава носит имя уроженца бывшего села Селикса Пензенской области лейтенанта Андрея Кижеватова. Имя его выкликается первым на боевом расчете, как если бы стоял он в ряду бойцов живым и действующим их командиром. Это больше, чем ритуал. Это выражение живой нашей связи с прошлым, нашего нравственного родства с погибшими героями. Еще одно звено этой связи — уход на охрану государственной границы, сегодняшние солдаты заступают в минуту молчания у обелиска Кижеватова. Эта минута — последняя и, может быть, самое строгое напутствие...

...Подвесной мост, где погранряд должен был нести службу, маячил черным контуром справа от Лысенко. Слева начинались перевитые кустарником, заросшие ветлами и мелким осинником глубокие овраги, далее высоким уступом поднимался холм, где не так давно археологи раскопали древнее городище, сохранившее спустя многие века свой естественный облик. Немало найдено было тут стародавней утвари, оружия, прочих примет далекой от нас жизни. Городище обнесли стенами и крышей, оставив его само почти нетронутым. Игорь Лысенко бывал там вместе с товарищами, дивился необычной тесноте рубленых изб, где жили когда-то люди, переспрашивал у специалиста — действительно ли маленькие, с лазом вместо двери дома были жилыми, нет ли здесь ошибки? И получил ответ, что никакой ошибки нет, археологи и историки лишь открыли то, что таила в себе веками земля, не прибавив от себя памятнику ни одного бревнышка. Игорь тогда смутился, но сомнения его так и остались неразвешенными.

Они поднялись на пригорок. Остановились, прислушиваясь. На оконечности холма виднелась бетонная шапка старого дота. Лысенко отыскал его взглядом, проверяя привычные ориентиры. На земляном дне дота нашли когда-то множество стреляных гильз и исковерканное ложе винтовки. Видно, и здесь велась оборона в 41-м, и эта крошечная частичка страны вершила свое возмездие врагу.

Оступившись, Лысенко задел плечом тяжелую от налипшего снега ветку — белый ком рухнул за воротник, обжег холодом спину. Игорь подумал о том, что совсем неподалеку отсюда люди хлопочут сейчас над праздничным ужином, смотрят по телевизору концерт, радуются близости друг друга, им тепло и покойно. А он и его товарищи идут дзорными тропами вдоль берегов морей и через пески Каракумов, по отрогам Памира и сопкам Забайкалья. И в этом есть своя закономерность и своя логика. Полтора года службы на заставе научили Игоря принимать такой порядок вещей как должное, как необходимость. Быть в пограничном наряде, ощущая себя ответственным за покой незнакомых, но своих, родных сограждан. Разве не высокая это честь!

Для солдат границы праздники — боевые пограничные будни.

Прежде чем ступить на мост, Игорь остановился и прислушался. Слух в такую, как эта, ночь — инструмент номер один. Слух и, конечно, зрение. «Учитесь видеть и слышать местность, — беспрестанно повторяет подчиненным начальник заставы. — Сломанный сук, приметный вереск, крик вспугнутой птицы, любой шорох скажут опытному пограничнику многое. А вы должны стать специалистами, мастерами своего дела...» И они учились. Не так давно пограничный наряд задержал нарушителя, искусно замаскировавшегося под куст. Тот не учел одного — люди, которые несли службу на этом участке, знали, что кустов на поляне, где затаился чужой, не восемь, а семь... Вот что значат наблюдательность, профессиональная память, опыт.

Это копится в человеке по крупицам месяцами, чтобы он мог реализовать их в нужный момент, все полностью, в считанные мгновения. Чем быстрее процесс накопления, тем эффективнее отдача. Как член комитета комсомола заставы, отвечающий за вопросы, связанные непосредственно со службой, Игорь Лысенко стремился максимально ускорить процесс овладения пограничным мастерством молодыми солдатами. На заставе регулярно делились с ними опытом лучшие специалисты границы, отличники боевой и политической подготовки, анализировалось каждое задержание. Он и сам старался при каждом удобном случае рассказать товарищам что-то новое об охраняемом заставой участке, о своих наблюдениях, дать практические советы, на что в первую очередь надо обращать внимание. Но, наверное, не много бы стоили его советы, допусти он сам промах хоть однажды.

...Он прошел еще немного и остановился, услышав треск веток, а потом чей-то приглушенный, едва различимый голос. И вновь — треск, резкий, похожий на хруст топора, врезающегося в ствол дерева. А потом голос, вернее, нетерпеливый шепот.

Профессиональная память мгновенно подсказала, что между пограничниками и нарушителями — овраг с крутыми склонами, оставшаяся с войны ржавая колючая проволока. Можно обойти эти препятствия, но тогда нужно возвращаться назад, к берегу, обогнуть старицу, взбежать на холм... Нет, слишком долго. А решение нужно принять немедленно, сейчас же... Он сделал несколько шагов — предательски заскрипел снег, этот скрип показался ему оглушительным. Он остановился. И тут же вспомнил, что находится в низине и его отделяет от нарушителей холм, значит, они ничего услышать не могут.

Не включая фонарь, Игорь нащупал рукой крышку телефонной розетки и вызвал начальника погранзаставы.

Майор находился в своем кабинете вместе с заместителем по политчасти старшим лейтенантом Павлом Цаценко. Офицеры обсуждали, кого из личного состава нужно отметить в праздничном приказе по части. Кижеватовцы недавно, который уже раз, подтвердили на проверке звание отличной заставы. Для каждого из воинов, а для командиров в особенности, этот факт значил немало. Помимо естественной в подобных обстоятельствах радости и гордости, Майоров испытывал вполне понятное чувство повышенной ответственности: с отличников спрос двойной. То, что простится любому другому подразделению, не простится им, кижеватовцам. И потому Майоров не позволял себе ни на один день расслабляться, почивать на лаврах, был требователен по службе, но по-отцовски доброжелателен к подчиненным ему людям. Начальнику заставы не надо было стараться расположить к себе бойцов, они и так тянулись к нему, признавая в Леониде Михайловиче не просто поставленного над ними судьбой командира, а близкого им, душевно щедрого, житейски опытного человека, отличного специалиста пограничного дела, находчивого и решительного.

Майоров был скуп на служебную похвалу, но зато и похвала его ценилась бойцами заставы очень высоко и помнилась долго.

По случаю праздника, который Майоров многие годы неизменно встречал в кругу личного состава, а уже потом отмечал с семьей, он был в новой, недавно полученной и немного тесноватой ему парадной форме.

Когда дежурный по заставе доложил Майорову, что звонит Лысенко, Леонид Михайлович понял — случилось что-то серьезное.

— Товарищ майор, докладывает ефрейтор Лысенко... — Голос Игоря, приглушенный, взволнованный, прерывался его дыханием.

— Где вы находитесь? — спросил Майоров.

Лысенко ответил. И тут же торопливо добавил:

— Они под холмом.

Майоров предостерег себя этот участок, все препятствия, которые нужно преодолеть Лысенко, чтобы приблизиться к нарушителям. Но ведь и те тоже не будут стоять и ждать, пока их настигнут. Наконец, и это нельзя было не учитывать, неизвестные могли быть вооружены.

— Слушайте меня, Лысенко. — Начальник заставы старался говорить как можно спокойнее. — Их надо задержать. Младшего наряда оставьте на месте, а сами наперерез... Но помните об осторожности. Я выезжаю с тревожной группой.

Майоров доверял воинской выучке своих бойцов, а Лысенко был одним из лучших пограничников заставы. Спроси Майорова, какое качество ценит он в военных людях превыше всего, он ответит — надежность. Так вот, Лысенко, по мнению Майорова, именно такой человек — надежный, прочный. Он никогда не рассусоливает, он делает. Без лишних разговоров, уточнений, обсуждений, просто идет и выполняет. Все, что надо. Такие, как Лысенко, — хребет любого дела, будь это дело военное или какое другое. За полтора года службы на счету ефрейтора четыре задержания. Это счет пограничным меркам высокий. Но что особенно радовало Майорова в Лысенко, так это пограничное чутье ефрейтора редкостной остроты. Городской парень, призывавшийся на службу из Киева, Игорь умел читать любой след, отличать лужу от примету.

Лысенко рванулся к сигнализационной системе. Теперь уже было не до осторожности, он должен успеть, обязательно успеть отрезать нарушителям путь вперед. Ноги вязли в глубоком снегу, движения сковывал полусубок. Добравшись до старой проволоки, Лысенко сбросил его. Попытался подлезть под проволоку, но ржавые зубья врезались в плечо. Он переложил автомат в левую руку, правой рванул проволо-

Ян ВЛАДИН

«Он стоял передо мной, прижимая к груди автомат, и, наверное, сам не замечая, что из его ладоней сочилась кровь и оставляла багровые подтеки на прикладе. Стоял и повторял:

— Товарищ майор, я прошу вас разрешить мне остаться в наряде...

Я колебался. После всего, что произошло, правильнее всего было отправить Лысенко на заставу, заменив его кем-нибудь из состава тревожной группы. Но в нашей пограничной жизни, как и в любой другой, иногда приходится принимать решения, сообразуясь не только с логикой и установленными правилами, но и с реальными обстоятельствами. Я приказал Лысенко перевязать руки и продолжать нести службу по охране границы. Он бы просто не понял меня, реши я иначе. Мы взяли задержанных нарушителей границы в машину и уехали».

Из рассказа начальника погранзаставы майора Леонида МАЙОРОВА.

В тот вечер луна только подразнила, блеснув полыхающим овалом в прорези туч, и вновь исчезла. Легким пухом посыпал снег, сгущая пепельную мглу стылого зимнего вечера. Лысенко и Матвеев с трудом угадывали узкую тропу, уже заметенную свежим снегом. Тропа эта вилась вдоль берега не замерзающей даже в лютые морозы пограничной реки.

В этот неподдний еще час берег зимой замирал и словно отдался от близкого к нему города на многие километры. Днем, да еще ясным, город вновь подступал к самой границе стрелами башенных кранов, заводскими гудками, хорошо видимыми отсюда силуэтами новостроек. Вот она, Граница, и вот он, Город, где можно затеряться в лабиринте улиц, перекрестков, принять личину «своего» среди своих людей.

Но надо помнить, что этот город — воин. Он был опален минувшей войной и хранит шрамы ее дрыньки. И что застава, охраняющая государственную границу вблизи него, — под стать Городу. Застава эта вступила в бой, защищая Город и Страну, и сражалась под командованием Андрея Митрофанова.

СОЛДАТСКАЯ ВЕ

ку. Та ослабла, но продолжала висеть, преграждая путь. Сбросил перчатки, рванул еще раз. Взвизгнув, проволока лопнула и упала в снег.

Не глядя себе под ноги, не чувствуя боли в разодранных ладонях, он побежал к тому месту, откуда слышались голоса. Упал, споткнувшись о корягу. И остался лежать в снегу, прислушиваясь и стараясь усилием воли усмирить стук собственного сердца. Он услышал, как в стороне реки раздался треск сучьев, а потом увидел неясные, размытые спящей белизной падающего снега фигуры. Определив направление, он вскочил и побежал наперерез...

Тревожная группа в составе Майорова, сержанта Владимира Багоя со служебной собакой Нордом, младшего сержанта Александра Ковальчука, ефрейтора Александра Пуха и водителя заставского «УАЗа» Владимира Ярмоленко выехала спустя минуту после объявления тревоги. Начальник заставы счел преждевременным подключать к поиску дополнительные звенья. Если данные Лысенко точные, а много он не допускал, они должны задержать неизвестных наличными силами.

«Должны», сколько раз это слово-приказ поднимало заставу ночами, бросало людей по следу нарушителя, вытесняя из их сознания все, что не имело отношения к поиску и службе. Для военных людей это слово вмещает куда более множественное понятие, чем для людей гражданских. В подобных обстоятельствах «должны» значило для заставы обнаружить и задержать нарушителей границы. Именно так — обнаружить и задержать.

Владимир Ярмоленко, он же секретарь комитета ВЛКСМ заставы, вел машину кратчайшей дорогой. Впрочем, дорогой их маршрут можно назвать с большой натяжкой — сплошные выбоины, ухабы, заснеженная целина. Но Ярмоленко был уверен в своей машине и безошибочно угадывал единственно проезжий путь. В этой ситуации начальник заставы не вмешивался в действия водителя, каждый из них отвечал сейчас за свое. Ярмоленко — за дорогу.

Оставив машину, они побежали навстречу Лысенко, охватывая участок с тыла. Двигались, держа друг друга в поле зрения.

Спустя несколько десятков метров Норд взял след, уже сглаженный падающим снегом, глухо зарычав, рванул поводок. Лучи фонарей, пронизав пространство, уперлись в черную стену зарослей по берегу старицы. Теперь все зависело от того, насколько правильно выбрал направление Лысенко, который должен был отрезать нарушителям путь. Майоров расстегнул кобуру, нащупал пальцами холодную рукоятку пистолета.

Лысенко прислонился плечом к кривому древнему вязу. Он видел перед собой казавшиеся далекими огни фонарей, но не спешил им навстречу. Знал, что нарушители где-то между тревожной группой и местом, где находится он. Трезвый расчет подсказывал, что, выдав свое местонахождение раньше времени, он спугнет неизвестных, и те могут попытаться уйти в сторону, спрятаться в кустах. Бешено колотило в висках, приклад почему-то лип к ладоням. Скорее бы они вышли на него. А они должны выйти, должны: ведь это самый удобный путь назад, туда, откуда они явились. Но граница не прощает незваным визитерам, посягательство на нее противозаконно и не остается безнаказанным.

Они бежали, хрипло и тяжело дыша. Бежали прямо на Игоря. Один старался держаться ближе к кустам, второй, с трудом волоча за собой сумку, уже не разбирал дороги, шатаясь, то и дело заваливаясь в сторону. Взяв оружие на изготовку, Лысенко вышел из-за дерева.

— Стой...

Оба замерли, но лишь на секунду. Тот, что был ближе к кустам, в следующее мгновение прыгнул в черную темень веток. Второй бросил сумку и побежал назад. Пограничник передернул затвор автомата, стальной щелчок пружины гулко клацнул в тишине.

— Стой. Буду стрелять...

Они остановились. Повернули головы в его сторону подняли руки, один из них обессиленно опустил прямо в снег. В ту же минуту лучи фонарей подоспевшего Майорова и остальных скрестились на нарушителях.

...Лысенко и его младший наряд вернулись на заставу в половине одиннадцатого вечера. Через полчаса все собрались в ленинской комнате, и Майоров поздравил бойцов. После торжественной части все спустились в столовую, посреди которой сияла разноцветными огнями новогодняя елка. Олег Ильях, воин и повар, подал на столы фирменные голубцы с мясом и пельмени. И это было только началом праздничного ужина. После чая с настоящим «наполеоном» Григорий Кучерявенко сбегал за гитарой и попросил Игоря сыграть что-нибудь их, украинское.

— Неохота что-то, Гриша. Давай сам.

У него просто очень болели руки.

**Приказом
Председателя
Комитета
государственной
безопасности
от имени
Президиума
Верховного
Совета СССР
за высокую
бдительность,
мужество
и пограничное
мастерство,
проявленные
при задержании
нарушителей
государственной
границы,
ефрейтор
И. М. Лысенко
награжден
медалью
«За отличие
в охране
Государственной
границы СССР».**

РНОСТЬ

Владимир СУСЛОВ

Победа шла с черемухой в руках,
скрипя ремнями в кителе нематом,
и виделась на всех материках,
взойдя над миром в мае,
в сорок пятом.

Для мамы—треугольником письма,
для папы—болью, век неодолимой,
а для меня—существенно весьма—
горбушкой, на три доли не делимой.
Сестре—давно не слышанным: «Люблю...»
И каждому—бойцом, навеки близким...
А тем, кто отдал жизнь в бою,—
над холмиком неброским обелиском.

Константин КОВАЛЕВ

Весной земля, как небо, голуба,
И бронзовый герой от ног до лба,
И постамент, и люди перед ним
Окутаны сиянием голубым.
И, увидав, как к нам из-за морей
Сквозь даль сочится струйка журавлей
Над головой девчонки голубой,
Тихонько плачет бронзовый герой:
При жизни он не плакал никогда,
Да подвела весенняя вода!..

Владимир БЕЗКМАН

В тот день земля обнажила свои наболевшие нервы,
подставляя их солнцу.
От солнечного прикосновения все импульсы спутались,
это походило на безумие и было невыносимо,
смех сквозь слезы, кричащая тишина, красный цвет жизни в черноте траура
и миллионы могил, как свинцовые капли дробинки в коре
больших полушарий земли.

Но солнце легким, ласковым прикосновением успокаивало
нервные нити и укрывало их нарождавшейся воздушной паутиной забвения.
У солнца еще было время врачевать.

Еще не поднимали ни песчинки два гигантских ядовитых гриба
Японских островов,
которые вскоре с грохотом распустились и отбросили солнце от земли.

В то утро все вещи окаменели на своих местах,
сразу кончились маленькие счастливые волшебства
с возвращением тех, на кого пришли похорожки,
и обвалы похоронок остались незыблемыми,

и в радости этого утра я впервые ощутил себя сиротой,
мое маленькое чудо так и не свершилось, так же, как миллионы других,
потому что был смех сквозь рыдания,

вопящее безмолвие, красный цвет жизни в траурной черноте,
иначе и не могло быть,

истинное чудо, долгожданная неожиданность,
где собственная скорбь растворяется в радости других
и становится возвышенной грустью.

Утро Победы,

Май Победы.

Вечная весна в цветении вишен, которым уже никогда не суждено отцвести.

Еще один раз человек переступил через зверя.

Перевел с эстонского
Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ.

ПРЕКРАСЕН

Весна вернулась в мир в мае сорок пятого. И люди, смертельно уставшие от горя, уставшие от залпов войны, по-новому ощутили ее простую радость. Увидели, как будто впервые, зеленый цвет травы и голубой—неба. Услышали, как в уже забытой тишине поют птицы. Почувствовали пьянящий запах цветущих садов и свежевспаханной земли. Многоцветный, цветущий мир! Пусть будет таким он всегда. Пусть укрепится великое единение людей, верящих, что в их силах спасти человечество от нового пожара.

Да пребудет весна света.

Весна радости.

Весна Победы.

Фото Ромуальдаса РАКАУСКАСА

МИР СПАСЕННЫЙ

Фуза БЕШТОКО

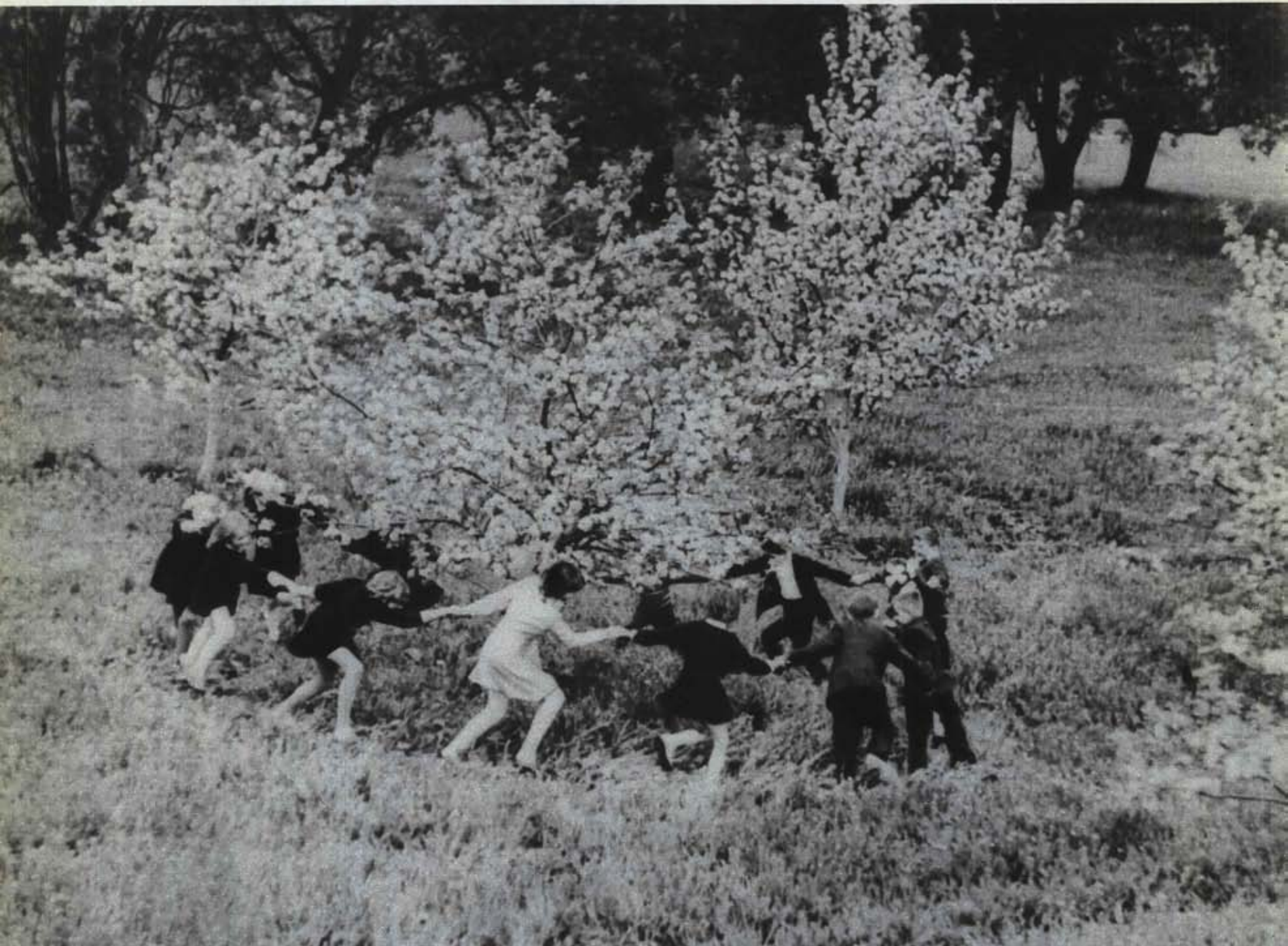
...Когда звонят весны колокола,
 Когда калина нежно зацвела,
 Душа зыбка, как капельки росы.
 Воспоминанья, раны и рубцы
 В душе оставив,
 Снова потекли,
 Как белые по морю корабли,
 И к сердцу, словно к берегу, текут,
 Приплыв, ложатся,
 Пряжу свою ткут
 И начинают песню свою тут:
 «Девушка-невеста,
 Чтоб весна воскресла,
 Мы тепло со всей земли
 Тебе в гости привели».
 И душа, как маков цвет,

Расцветает им в ответ:

«Крошатся камни-гольши,
 Спят медвежата-мальши,
 Перстни рассыпаются
 На крохотные льдинки,
 У меня, красавицы,
 Звенят весь день тропинки».

Я вверх смотрю, в зречки живые дня
 И вскакиваю лихо на коня,
 А надо мной качается зенит,
 Тропинка под моим конем звенит.
 ...Весной калина вся белым-бела,
 Серебряные быют колокола,
 Крошатся камни-гольши,
 Спят медвежата-мальши,
 Перстни рассыпаются
 На крохотные льдинки,
 И звенит тропинка...

Перевел с кабардинского
 Владимир ЦЫБИН.

Наби ХАЗРИ

Волны шумят —
молчат берега.
Голубая планета
вращается.
В ожидании счастья
издалека
Солнце к земле
возвращается.
И любимый Хазар
свою песню поет:
Здравствуй, солнце,
здравствуй, восход!
Я руками
легко достаю до небес,
Обнимаю моря
необъятные.
Жизнь крылата,
ибо полна чудес,
И мечты у меня —
крылатые!
И любимый Хазар
свою песню поет:
Здравствуй, утро,
здравствуй, восход!

Перевел с азербайджанского
Виктор КОРКИЯ.

Джубан МУЛДАГАЛИЕВ

Дух обновления
в испытанных грозных
Степь укрепила —
и в степи светло:
Едва погасли в ней земные звезды,
Как утро в небесах зарю зажгло.

И та пылает,
смешиваясь с синью.
И воспаренья маревá белы.
И над травой,
кустами да полынью
Вновь набирают высоту орлы.

Степь воспевалась в канувшие годы.
Степь воспевает в нови наших дней.
Степь —
летопись казахского народа,
А мы в веках —
живые буквы в ней.

Крылом тянусь к степному я размаху,
Как соловей к листве,
что зелена.
Душа степи под стать душе казаха —
Для всех друзей
распахнута она.

Мне пылью табунов
дышать привычно,
Любой напев мне
с детских лет знаком.
Хоть я обжился

в городе столичном.
Душой остался прежним степняком.

Тем, кто с простором
встарь делил напасти,
Я ныне должное воздать могу.
Степь!
Мы перед любым ее несчастьем
Своей судьбой счастливою в долгу.

Степь!
Нам она праматерь,
словно Ева.
Я щедрым молоком ее вспоен.
Мне справа в грудь вливается
и слева
Тот воздух,
вдохновенный испокон.
Степь осеняет путь зарей багровой,
Зарей людской,
орлиной, трудовой.
Я рад степи, как летописи новой —
Рад каждой букве в ней и запятой.

Перевел с казахского
Владимир САВЕЛЬЕВ.

Геннадий ЧАЛОВ

У вагонного, помню, окна,
Опираясь на скачущий стол,
В ожидании утра, без сна
Я полночи однажды провел.

Там, за древней засекой,
Мой дом...
Здесь навечно в дозоре холмы;
И взметнулись в строю вихревом
Строки, памятных звуков полны.

Здравствуй, лес!
И поклон мой земной
Милой мне среднерусской избе.
Долгожданной, Россия, весной
Разреши доложить о себе.

Я не стану искать громких слов:
Навсегда ты в душе и судьбе,
Где бы ни был я,
Сложится вновь
Песнь моя —
Возвращенье к тебе.

Мой заветный прадедовский край,
Дорогая мне с детства земля,
Своего рядового встречай —
Сроком в жизнь
Будет служба моя.

Петр ГРАДОВ

Был на вид
он совсем
неприметным —
ясноглазый
простой паренек,
и на форме
защитного цвета
он носил
комсомольский значок.

И немало
таких неприметных,
ясноглазых,
хороших ребят

носит форму
защитного цвета,
носит гордое званье —
солдат.

Нет особых наград
у солдата.
Ордена на груди
не блестят.
Но недаром
повсюду девчата
так влюбляются
в этих солдат.

И недаром
от Омска до Бреста,
от Игарки
до южных морей
пишут нежные письма
невесты,
ждут своих
ненаглядных парней.

Батальон
на учение вышел.
Вид лихой,
боевой у солдат.
Люди,
звонкую песню услышав,
открывают
все окна подряд.

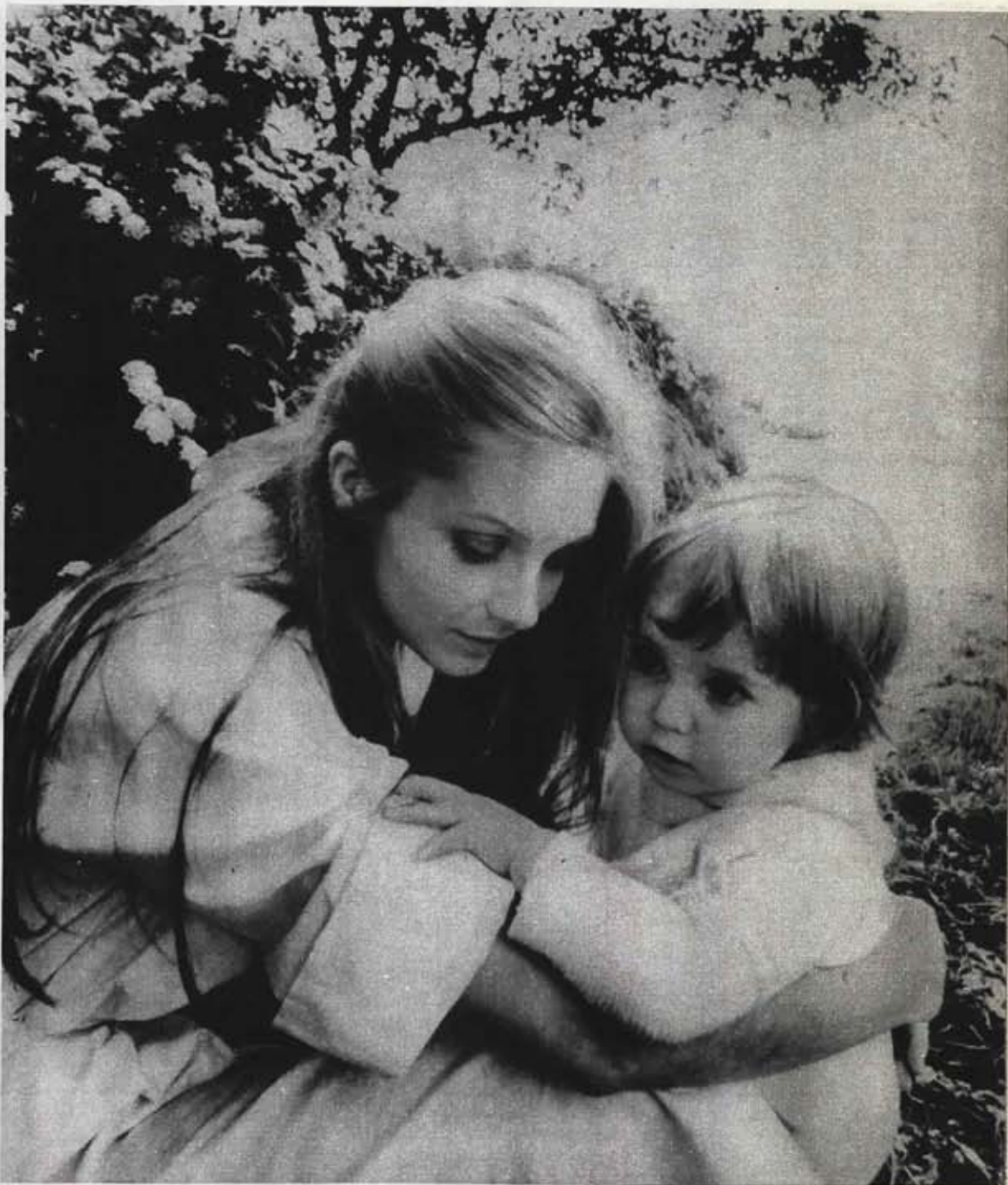
Я люблюсь
их выправкой, строем.
Все бойцы на подбор,
как один.
Это внуки
тех самых героев,
что в войну
штурмовали Берлин.

Да, они
только в книгах читали
о войне,
но когда в наши дни

час настал,
как один, доказали,
что способны
на подвиг они.

Им солдатская совесть
велела,
чтоб, как братья,
на помощь пришли
и сражались
за правое дело
вдалеке
от родимой земли.

Стал героем,
о том не мечтая,
ясноглазый
простой паренек.
И сверкает
Звезда Золотая,
и горит
комсомольский значок.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07.
Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского
листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 19.03.85. Подписано к печати 01.04.85. А 04556. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1092. Заказ № 471.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В календаре есть даты, навечно вписанные в героическую летопись нашей страны. Одна из них — День Великой Победы. Все дальше в прошлое уходят годы Великой Отечественной войны. Но все зорче памятью сердца мы всматриваемся в них. Для нас эти годы не просто история. 1418 дней войны ярким факелом польхало пламя патриотизма советских людей. И каждый из этих дней свидетельствовал о величии духа, негибаемом мужестве советского человека, для которого нет священные долги, чем отстоять независимость Отчизны.

Массовому героизму советского народа в те грозные годы был посвящен конкурс «Подвиг и память», объявленный БММТ «Спутник» ЦК ВЛКСМ и редакцией журнала «Смена» в первом номере. Сотни и сотни читателей приняли в нем участие. Многие из них написали, что такой конкурс никого не может оставить равнодушным. В поисках ответов на вопросы его участникам пришлось перечитать много литературы, открыть ранее неизвестные им страницы огненных лет, «пройти, — как написал А. Дудник из Днепропетровска, — боевыми путями наших отцов, еще раз осмыслить совершенные ими подвиги».

Среди участников конкурса особенно много школьников, студентов, учителей. Радует, что материалы, собранные ими во время поисков ответов на вопросы, они широко используют в учебной, комсомольской и пионерской работе. Немало отцов и матерей написали: «То, что стало мне известно, я буду рассказывать детям, воспитывать в них смелость, отвагу, мужество, любовь к Советской Армии и нашей многонациональной Родине».

Не прошли читатели и мимо того факта, что некоторые детали в героической летописи требуют уточнения, что у «красных следопытов» впереди много дел. Нам, к сожалению, не удалось установить, например, какова точная фамилия «сталинградского Данко». Разные источники дают четыре варианта ее написания: Паникако, Паникахо, Паниката и Паникаха. Есть разночтения и в других вопросах конкурса. Надеемся, эти разночтения со временем будут устранены.

Жюри конкурса «Подвиг и память», возглавляемое маршалом авиации Героем Советского Союза председателем секции туристской экспедиции «Моя Родина — СССР» А. П. Силантьевым, внимательно изучило все письма, отосланные в обусловленный срок, и определило победителей. При этом во внимание были приняты как точность и полнота ответов, так и яркость комментариев, оформление работы. Жюри выражает признательность всем, кто в точности выполнил условия конкурса, выразительно и аккуратно оформил ответы.

Путевками во Всесоюзный героико-патриотический клуб «Подвиг» (Волгоград) награждены пятеро участников, отлично справившихся с заданием. — Л. Карикмасова из села Мариинское Хабаровского края, А. Кондратьев из Москвы, семиклассник Д. Крапивин из Златоуста, десятиклассник Д. Перепелица из Южно-Сахалинска, И. Чистова из Йошкар-Олы.

Годовые подписки на «Смену» (на 1986 год) присуждены группе учеников-электромонтажников из ГПТУ № 18 Мелитополя Запорожской области, группе пионеров из отряда имени Ивана Земнухова (6-й класс средней школы № 12) в Лисичанске Ворошиловградской области, пионерам 7-го «Б» класса средней школы № 3 Волковыска Гродненской области, ученикам 4-го «А» класса средней школы № 1 пос. Михайловка Запорожской области, группе из десяти учеников 3-й школы-интерната в Ленинграде, пионерскому отряду имени Ю. Гагарина (7-й «Б» класс 86-й школы) в Уфе, красным следопытам клуба «Поиск» из средней школы № 3 в Старобельске Ворошиловградской области, пионерам 4-го «А» класса средней школы в пос. Первомайский Красноярского края, Ю. Бересневой с сыном Сережей из Новокузнецка Кемеровской области,

ПОДВИГ И ПАМЯТЬ

ИТОГИ КОНКУРСА

Я. Бестужевой с сыном Олегом, живущими в том же городе, В. Елесиной с сыном Алешей из пос. Красногорский Марийской АССР, С. Иванушкиной с десятиклассником А. Павликом и лятиклассницей А. Павлив из Ахтубинска Астраханской области, восьмикласснику В. Измествьеву из села Якшур-Бадья Удмуртской АССР, восьмикласснице Л. Климовой из Гаврилова Посада Ивановской области, З. Крисаненко с группой школьников из г. Красный Луч Ворошиловградской области, В. Майору с сыном Костей из Нальчика, шестикласснику В. Мыреву из пос. Жархан Якутской АССР, пятикласснику С. Паркину из Саранска, четверокласснику Р. Ткачу с отцом из Винницы и Н. Харловой с дочерью Олей из Алапаевска Свердловской области.

Призами и сувенирами награждены В. Абинякова из Волжска Марийской АССР, Л. Антонова из пос. Чегдомын Хабаровского края, М. Арендоренко из Тюмени, В. Баканов из Свердловска, В. Бахарев из Златоуста, А. Бидюков из Москвы, А. и С. Благовы с сыном Антоном из Клинцов Брянской области, десятиклассница Е. Бородина из Томска, А. Буньков из села Голубково Свердловской области, Л. Васильева из Новоку-

нецка Кемеровской области, В. Власенко из Хабаровска, восьмиклассник В. Данильченко из Днепропетровска, Л. Друщенко из Рузаевки Мордовской АССР, А. Дудник из Днепропетровска, Е. и М. Жуковские из Витебска, десятиклассник В. Иванов из Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области, В. Индиков из Воронежа, А. Исаев из Кривого Рога, А. Иссерж из Свердловска, В. Казак из Орла, Ф. Касимов из Казани, Д. Красиков из Ростова-на-Дону, десятиклассник А. Кучин из Елабуги Татарской АССР, К. Манукина из Троицка Московской области, Н. Маркова из Великих Лук Псковской области, К. Мартынова из г. Торез Донецкой области, Л. Марцениус из села Санники Хабаровского края, В. и Н. Маслениковы из Орска Оренбургской области, М. Миннигулова из Нефтекамска Башкирской АССР, Т. Молдабекова из села Торайгорово Павлодарской области, Л. Науменкова из Ярцева Смоленской области, Е. и И. Нусиновы из Харькова, Н. Панченко из Красноярска, В. Перчеклий из пос. Суворово Молдавской ССР, И. Поберий из Донецка, А. Подольский из села Запорожье Камчатской области, В. и Е. Пригорницкие из Прокопьевска Кемеровской области, В. Путилова из Красно-

уральска Свердловской области, П. Савин из Анивы Сахалинской области, В. Сапронова из Копейска Челябинской области, Н. Сметанина из Дзержинска Донецкой области, Е. Сукачева из Коканда Ферганской области, С. Теплюк из Туапсе Краснодарского края, К. Тимохина из г. Ефремов Тульской области, Г. Трошкова из Барнаула, Л. Флуг из г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, А. Хомутикина из Луцка, семья Хорольских из Горловки Донецкой области, В. Шкилев из Миасса Челябинской области, И. Якушева из Читы.

Всем призерам будут высланы, кроме того, почетные дипломы «Смены» и бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

Сердечно поздравляем победителей конкурса и благодарим всех принявших в нем участие.

Приводим ответы на вопросы конкурса «Подвиг и память»:

1. Кантата С. Прокофьева «Александр Невский» для хора и симфонического оркестра («Вставайте, люди русские...»).

2. В. А. Зеболов.

3. Нанаец Макей (по другим источникам — Моисей) Самар. Ордена Ленина он был удостоен за воздушный бой, в котором сбил два вражеских самолета.

4. В подпольной типографии оккупированной фашистами Югославии был издан роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Отличившимся в боях партизанам присваивали имя «Корчагин» и вручали роман. Молодой партизан Велизар Станкевич был удостоен этой чести. Руководя диверсионной группой, он геройски погиб недалеко от сербского села Великий Шелоговац, прикрывая отход товарищей. Похоронен в этом селе у школы, носящей его имя.

5. «Сталинградским Данко».

6. Лейтенант А. К. Горовец. Фюзеляж его самолета украшала надпись: «От колхозников и колхозниц Горьковской области».

7. Первая в стране комсомольско-молодежная фронтовая бригада Михаила Попова родилась в ночь на 21 сентября 1941 года на Уралмашзаводе.

8. Л. В. Афанасьев.

9. Тринадцатилетний Николай Молчанов, который завел фашистов в непроходимое болото. Пьеса о нем «Таинственный знак» В. Шевченко впервые показана в Нежинском государственном драматическом театре имени М. Коцюбинского.

10. М. П. Девятаев с военного аэродрома Пенемюнде.

11. Дошкольница Ада Занегина, эвакуированная со Смоленщины в поселок Марьяновка Омской области. Она копила деньги на куклу, но решила пожертвовать их на борьбу с врагом. Ее поддержали многие октябрята и пионеры. Танк «Малютка», построенный на собранные ими средства, водила сержант Катя Петлюк.

12. Позма Р. Гамзатова «Солдаты России» посвящена девяти воинам, Героям Советского Союза, вступившим 13 апреля 1944 года в неравную схватку с фашистами у крымской деревни Амаг-Джали. Восемь из них — Н. Поддубный, М. Абдулманов, М. Задорожный, Г. Захарченко, И. Тимошенко, П. Велигин, П. Иванов, А. Симоненко — погибли в этом бою. В. Ершов умер от старых ран в 1974 году.

13. Первым вражескую амбразуру закрыл своим телом в бою под Новгородом 24 августа 1941 года политрук роты 125-го танкового полка Александр Панкратов. Сейчас известны 322 воина, которые в годы войны совершили этот подвиг.

14. Самый юный из награжденных медалью «За отвагу» — Сережа Алешков шести лет. Он был удостоен этой награды за помощь в спасении командира.

15. Памятник в виде цветка, на лепестках которого надпись «Пусть всегда будет солнце», установлен в 1968 году на «Дороге жизни» в память о маленьких ленинградцах, погибших во время блокады. Его авторы — архитекторы П. Мельников и А. Левенков.

9 МАЯ 1945

Е. КАЖАН.
9 МАЯ 1945.